

Молодежный роман

Пелевина Катерина

Мой запрет

Пелевина Катерина

Мой запрет

<https://litres.ru/74212688>

Аннотация

♥#Меня зовут Камилла, мне восемнадцать, и я всей душой ненавижу лучшего друга своего брата. Ну, я ненавидела его до того, как мы оказались в одной постели... – Это значит, ты передумал? – спрашиваю, опустив взгляд. Я больше не знаю, как общаться с ним. Нас связывает только влечение. И сейчас я хочу его так же, как тогда за просмотром фильма. Сейчас хочу узнать, что это такое – быть с кем-то настолько близким и в то же время – далёким. Ведь мы всегда друг друга на дух не переносили. А теперь я сижу в двадцати сантиметрах и думаю только о его руках на своём теле. Разве так бывает? – А ты типа нет? – спрашивает он в ответ. Его глаза как два чёрных омута. Они никогда не давали мне покоя. В них можно найти всё самое страшное. Самое отчаянное. Глядя на них, я вижу свои собственные пороки. Будто они становятся зеркалом, когда я в них смотрю. – Нет, – отвечаю, внаглую подкрадываясь к нему. Сердце стучит быстрее. Я хочу большего... Хочу полностью и до конца. Даже если он – мой запрет...

Содержит нецензурную брань

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И
ПОСТАВИТЬ "НРАВИТСЯ" ♥# Пишите комментарии) Всегда
рада♥#

Книга про сына Камиллы и Мирона -

Содержание

Пролог	5
Визы	17
Глава 1.	18
Глава 2.	22
Глава 3.	39
Глава 4.	44
Глава 5.	49
Глава 6.	61
Глава 7.	68
Глава 8.	73
Глава 9.	78
Глава 10.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Пролог

Пролог

Камилла Садовская

Меня зовут Камилла, мне восемнадцать, и я всей душой ненавижу лучшего друга своего брата. Ну, я ненавидела его до того, как мы оказались в одной постели...

Пожалуй, это всё, что вам пока стоит обо мне знать... Однако об этом по порядку...

Мы переехали в Москву, когда мне было десять, а Владу – двенадцать. неизбежно нас ждали новые знакомства и перспективы. Во всяком случае, так говорили родители. Они жизнь положили, чтобы воспитать из нас хороших и умных людей, которые добьются успехов в этом жестоком мире связей и махинаций. А вот это уже мои слова. Выросло то, что выросло. Я бываю циничной и грубой. Неспециально, просто не верю в справедливость, карму и разного рода выдуманные людьми инструменты регулирования общественного порядка.

Влад, к превеликому сожалению, не такой, как я. Он более наивный. В дружбе так вообще слишком доверчивый.

И, как положено всем шаблонам, у него есть невыносимый лучший друг, который делает всё за него. Всё плохое, я имею в виду. Мирон. Я даже имя его ненавижу, меня от него

тошнит. По характеру он хуже самого Гринча или Гитлера. Не знаю, с кем сравнение было бы более точным. Буквально каждый раз, когда мы видимся, он выкидывает какие-то гадости в мой адрес. Естественно, это из-за того, что я не рада их общению с Владом, хотя родители нормально относятся к их дружбе, утверждая, что главное, чтобы это не мешало его учёбе, а поскольку оценки у него нормальные, их это не беспокоит, но они не знают того, что знаю я.

С тех самых двенадцати лет, как они познакомились, Мирон вечно втягивал его в неприятности. Всё началось со взрывов петард у соседей под окнами, а закончилось драками, алкоголем и девушками. Кучей девушек. Иногда я просто не могла их запомнить. Так, к двадцати у моего брата за плечами был такой опыт, что мне страшно было представить. Про Мирона вообще ходили слухи, что несколько от него родили, но я не знала подробностей, по-моему, это так и осталось сплетнями.

Сейчас же он сводит меня с ума одним своим видом. Часто оставаясь в гостях у моего брата в комнате, они курят кальян и смотрят порнуху, комментируя всё своими отвратными мерзотными выражениями. А ещё чёртв Мирон всё время ворует из моего шкафа лифчики, что уже порядком мне надоело. Не говоря уж о других его выходках и словечках. Благо, порой брат всё же меня защищает. Когда тот перегибает палку, но это пока он видит, что происходит между нами...

– Влад, сделай тише, я пытаюсь учиться! – снова захожу в комнату в легком состоянии нервозности, и что я вижу?... Как всегда, придурок Мирон лежит на кровати моего брата в своей дырявой футболке, поверх которой красуется мой красный бюстгальтер и курит сигарету прямо там, пока Влад что-то строчит кому-то в телефоне. На всю комнату орёт какой-то жуткий металл, от которого у меня закладывает уши, и я убавляю громкость, подходя к Мирону и сдёргивая с него мою вещь. – Отдай, придурок!

– Каляяя, – так он меня называет. Идиот. Ему всё время надо выебнуться. Хотя все друзья зовут меня Мила или Кам. – Когда у тебя выросли сиськи?

– Тогда, когда ты засовывал член в свою же задницу, – отвечаю я, уходя оттуда.

– А может мне в твою засунуть, а? Она вроде ничего, – хихикает он, прикрывая рот рукой, и я слышу звук удара по его рёбрам. Хотя бы здесь Влад ставит его на место. В этом плане он категоричен. Никого ко мне не подпускает... Мне не так давно исполнилось восемнадцать. И я ещё девочка...

– Так тебе и надо, мудила! – захлопываю дверь и направляюсь в свою комнату, чтобы пообщаться со своей подругой Машей. Мы с ней дружим с самого начала, как я сюда переехала. Вообще у нас большая компания, и я там самая оторва. Но не в том смысле, что я обижаю тихонь и таскаюсь везде, нет. В том смысле, что я почти постоянно скандалю и доказываю своё любой ценой. А что поделать? Так уж за-

ложилось со школы. А потом мы вместе поступили в один университет на юридический.

Мой брат уже учится в другом, как и его долбанутый дружок. Они тоже поступили вместе, и с одной стороны, я рада, потому что хотя бы не вижу толпу старшеклассниц, которые вечно выются рядом с ними, как было в школе. Ибо меня просто трясло от того, что я видела, как на моём брате кто-то виснет, а этот придурок Мирон специально издевался, рассматривая меня, пока засовывал язык кому-то в глотку. Как вспомню – так вздрогну. Слава Богу сейчас наступила свобода от этих зрелищ.

Сейчас у нас октябрь, все носятся с учёбой как сумасшедшие, пока я витаю в облаках, мечтая о парне, который мне нравится. Маша всё время говорит, чтобы я что-то сделала, но он учится на год старше, и я даже не знаю, как с ним заговорить. Потому что он очень популярный... А я... Ну я это я. Я вроде бы и знаю, что симпатичная, но если взглянуть с другой стороны во мне нет ничего особенного...

– Просто подходишь и в наглую заявляешь: «Привет, меня зовут Камилла, я хочу тебя трахнуть!» – громкий смех моей подруги разлетается по всему универу, но здесь все так шумят, что ничего не слышно, чему я несказанно рада.

– Ну ты и дурочка, – констатирую, дожёвывая свой сэндвич на обеде, и плююсь на Андрея, как ненормальная. Иногда мне кажется, что и он это тоже замечает, поэтому я всё время отвожу свой стыдливый взгляд в сторону.

– Господи, это же Зарницкий! Ты видела, какой красавчик из него вырос, а?! – умиляется она парню из команды по футболу. – Кстати, похож на Мирона чем-то.

– Что? Фу! – выдаю с пренебрежением. – Ничего общего, Мирон – придурок.

– То, что он придурок, не убавляет его красоты. Все парни придурки! – ехидно выдаёт Маша, хихикая и вылезая из-за стола.

– Все, кроме Андрея, – говорю со слащавым выражением лица. Я и сама это чувствую, оттого Машка смотрит на меня и ржёт, как конь, прикрывая рот рукой. – Заткнись!

– Блин, ты бы это видела... Все, кроме Андрееееея... Привет, Андрей! – выдаёт она поддельным писклявым голоском, на что я шлепаю её по руке.

– Всё, хватит! – ругаюсь на неё и хватаю свой рюкзак, чтобы направиться в сторону кабинета. Обед почти подошёл к концу, так что пора идти на физику. Не знаю, когда осмелюсь сделать хоть что-то в его адрес, да и, наверное, всё-таки никогда.

Учёбу я уважаю, хоть и понимаю далеко не всё. Мы с Машей учимся в одной группе. Все говорят, что мы не разлей вода. Потому что мы постоянно вместе. Я сравниваю нас с опоссумами из «Ледникового периода», потому что мы часто цапаемся и спорим, но, вместе с тем, делимся друг с другом буквально всем. Без неё я как без рук, в прямом смысле слова. И это здорово иметь такого друга.

– Ты куда сегодня после пар? Я хотела купить одну штуку, – шепчет она мне, несмотря на то, что Аделина Андреевна очень строгая и требовательная. Нам всё время влетает за то, что мы болтаем. Оттого нас постоянно рассаживают, но мы как магниты притягиваемся вновь.

– Я должна домой идти, вечером какой-то ужин и будут коллеги отца, надо помочь маме, – говорю максимально тихо, и она корчит грустную гримасу. – Прости... А что за штука?

– Если не пойдёшь со мной – не узнаешь, – заявляет она, улыбаясь.

– Ну... Машаааа?! – смотрю на неё, раздувая ноздри, и вдруг преподаватель снова замечает нас.

– Садовская, посмотрите на меня, – говорит её грубый тон, и она обращается ко мне. Я поднимаю робкий взгляд и морщусь, чувствуя себя неловко, пока Машка смотрит на меня испуганным взглядом. – Что такое презумпция невиновности?

– Этооо... Принцип судебного процесса... – говорю я, подглядывая одним глазом в методичку. – Лицо считается невиновным, пока его вина в совершённом преступлении не будет доказана в порядке, предусмо...

– Вот об этом я и говорю, Садовская... Что из Вас вырастет, если Вы не собираетесь учиться? – заявляет она надменно, перебив и рассматривая нас по очереди. – Так... Садовская, за первый ряд, чтобы я Вас видела, а Вы, Логачёва,

оставайтесь здесь. Так теперь будет на всех моих занятиях.

Ну вот, опять... Ухожу вперед, присаживаясь вместе с остальными ботаниками, включая Антона Зорина. Он сидит и лыбится на меня в своих очках, так, что меня аж передёргивает. Да и Лина с Риткой, как всегда, вытащили свои зубы, чтобы обсмеять меня. Похоже, я много обращаю внимания на детали, пока преподаватель рассказывает тему, я рисую что-то в своей тетради, опустив голову, и вдруг мне на телефон приходит сообщение от Машки. Это ссылка с картинкой. О, Господи. Не верю, что увидела это. Поворачиваю голову и щёки покрываются ярким румянцем. Вот ведь дуручка.

«Ты серьёзно? Сколько такой стоит, – пишу сообщение, разглядывая огромный дилдо на экране, и это при том, что мы – девственницы. – Что ты собираешься с ним делать?».

«Практиковаться, – приходит ответ, и я смеюсь, прикрывая рот рукой».

– Садовская, – вздыхает преподаватель, протягивая руку. – Телефон на стол. Живо. До конца пары будет здесь.

Краснею и вздыхаю, передав преподавателю выключенный телефон, и она убирает его в свой стол. – Останетесь после пары, – заявляет холодный тон.

– Что?! Но... – начинаю говорить, отчего она злится сильнее.

– Никаких «но», Садовская! Это не обсуждается! – грозно рявкает она, заставив меня замолчать. Докатилась. Бро-

саю взгляд на Машу, поджимая губы, но всё равно улыбаюсь. Какая же она дурочка.

Просто папа, когда договаривался о моём обучении здесь, сразу сказал, чтобы ко мне было «особое» отношение... Имеется в виду дисциплина... Я ведь любитель повитать в облаках.

После занятий иду в аудиторию, где собираются такие же как я наказанные, шоркая кедами по полу, пока вдруг не натыкаюсь взглядом на знакомые кроссовки.

– Привет, что тоже наказали? – спрашивает Андрей, и моё сердце направляется куда-то в пятки. О, Боже...

Он тут... Передо мной... Мамочки... Со мной заговорил?!

А с кем ещё, блин, Камилла, очнись! Вы тут одни!

– Эм... А... Эм... – мямлю, словно идиотка, и не могу сказать ни слова, мечтаю, чтобы меня ударили по голове, и я упала в обморок. – Привет... Ты меня помнишь? – спрашиваю удивленно. Один раз мы с ним уже общались, точнее, знакомились, потому что участвовали вместе в соревнованиях по лёгкой атлетике, но мне тогда было одиннадцать, я и не думала, что он меня запомнил. Я даже до последнего не знала, что он пойдёт в тот же универ, что и я. И каково было моё счастье, когда это случилось...

– Конечно я тебя помню. Ты же сестра Мирона, да? – спрашивает он, отчего я нервно растягиваю губы в фальшивой улыбке. Вот дерьмо... Конечно, как он ещё мог запомнить

меня... От мысли о том, что я вдруг стала бы сестрой Мирона у меня дёргается глаз.

– Вообще-то сестра Влада, но какая разница, – закатываю глаза, говоря с сарказмом, однако он улыбается, и у него такая красивая улыбка, что мои ноги начинают подкашиваться.

– Слушай, сегодня вечеринка у Бергмана... Ты ведь знаешь его?

– Егора? Да, знаю, но мы не друзья, – говорю я, дожидаясь, когда нас запустят в кабинет и присаживаюсь рядом с парнем моей мечты, с которым мы болтаем уже четыре минуты семнадцать секунд. О, Господи, я ненормальная.

– Да какая разница, главное, что знаешь его, приходи... – зовёт он меня, вызвав небольшой ступор. Андрей Разин зовёт меня на вечеринку. Сегодня. Нет, мне это снится.

– Да-да, я приду, – говорю я, вообще позабыв о том, что сегодня званый ужин отца. У меня ни единой мысли в голове на этот счёт. Кажется, я умерла прямо сейчас, и у меня там долбит в металлические тарелки противная непослушная мартышка.

– И брата приводи, – говорит от следом, отчего я морщусь.

– Нет, ну его. Он занят, – отвечаю, улыбаясь ему, и он смотрит на мои губы. Господи. Может, у меня в зубах что-то застряло? Сердце колотится так, словно сейчас вылетит из груди. Чёртова тахикардия.

Он ухмыляется, поворачиваясь к учителю.

– Ну всё тогда, забились, – шепчет он довольный, словно только что сорвал джек-пот, но его, похоже, сорвала я.

Не могу думать о чём-то другом.

Всю дорогу домой иду, словно замороженная. Андрей совершенно точно моя первая любовь. Это какое-то иллюзорное ощущение тепла и счастья, когда тот, кто тебе очень нравится, начинает с тобой говорить. Ведь по факту всё вокруг остаётся тем же. Та же погода, те же условия, но твой внутренний мир расцветает, будто...

– Что ты здесь делаешь?! – захожу в комнату и вижу Мирона, нагло развалившегося на моей кровати. Пытаюсь стянуть его на пол, схватив за руку, но он лежит будто огромный камень на дороге, который не сдвинуть. Хотя дело в том, что я по сравнению с ним – чёртв гном.

– Влад задерживается, а мне скучно... Поговори со мной, – говорит он несчастным голосом, но я-то вижу эту дебильную ухмылку на его лице. У меня и так нет настроения из-за того, что я хочу пойти на вечеринку, а не торчать на родительском ужине, но Мирон ещё сильнее провоцирует меня своим дебильным поведением.

– Повторю в последний раз – вали из моей комнаты!!! – более сердито выдаю я, встав перед ним со сжатыми кулаками и притопнув ногой. Он поворачивает ко мне свою каштановую голову и лыбится.

– Эй, ты чего такая напряженная? Давно не трахалась? – спрашивает он, привстав с кровати, и открывает мою тумбу,

начиная разбрасывать по комнате моё нижнее бельё. Если бы Влад только знал, что он вытворяет в его отсутствие.

– Мирон, блин! Я серьёзно, вали отсюда! – направляюсь в его сторону и бью его кулаками, пытаюсь вытолкнуть из своего пространства, однако чувствую, что его рука ловко вынимает телефон из моего заднего кармана, быстро поднося его к моему лицу. Блок снимается, и я только потом реагирую на это, словно у меня проявляется рядом с ним какая-то заторможенность. Пытаюсь допрыгнуть до него, пока он удерживает смартфон наверху, листая мои фотки. – Отдай, чёртов придурок!

– А вот это что-то интересное, – на его лице появляется довольная улыбка, как только он замечает ту самую картинку, что отправила мне Машка. Сначала замирает, потом смотрит мне в глаза и насмехается. – А ты та ещё штучка, да, Каля?

Я хмурюсь на него, и ощущаю, что мои глаза начинают слезиться, а щеки гореть ярким пламенем.

– Не бойся, я никому не скажу, Каля, – издевательски твердит он, всё ещё удерживая мой телефон над головой.

– Верни мою вещь, – повторяю злобным голосом. Двадцать лет, а ведёт себя, словно гребанный восьмиклассник.

– А ты отбери, – ухмыляется он, демонстрируя мне свою ямочку на щеке. Карие глаза смотрят на меня так, словно я какая-то игрушка, с которой можно делать, что угодно. Они всегда меня пугали или же отталкивали. Не знаю. Есть в них

что-то такое, что невозможно вытерпеть.

– Боюсь касаться тебя, потому что можно подхватить что-нибудь от твоих шалав, – отвечаю с пренебрежением, пока не ощущаю его руку на моей пояснице, а губы возле уха. Горячее дыхание, очевидно, выделяет какие-то ядовитые пары, потому что у меня на коже мурашки.

– А ты попробуй, может, понравится, – шепчет он с такой наглостью, а я не верю, что это происходит сейчас. Ещё и касается меня. Сукин сын. Я тут же незамедлительно бью его с колена по яйцам и слышу, как он матерится, загибаясь и корчась от боли. Отбираю у него свой телефон и убегаю прочь оттуда, преисполненная ненавистью к своему злейшему врагу.

– Сучка, – стонет он вслед, держась за член, и я пробегаю мимо моего брата вниз по лестнице, не желая задерживаться с этим идиотом в одном доме ни на секунду...

Визы

Камилла Садовская (Мила, Кама, для Мирона – Каля)

И Мирон Духов (Дух) - наш запрет)))

Глава 1.

Мирон Духов

Смотрю на неё через заляпанное окно комнаты Влада. Смотрю как замороженный придурок. Просто как она возвращается домой в своей дурацкой юбке на лямках и бежевой блузке. Понятия не имею как у такой мажорки может быть настолько дерьмово со вкусом... Ещё и эти вечные вязанные кофты. Буэ... Отврат. Интересно, она уже трахалась? Блядь, Мирон... Прекрати, тебе нельзя об этом думать.

– Чё сегодня куда? – спрашивает Влад, строча что-то на своём ноутбуке. Хотел бы я сказать ему, что лучше останусь у него дома и буду доставать его сестру, но так нельзя. Отхожу от окна и плюхаюсь на кровать, нацепив на себя её красный лифтон, что висел в ванной. А нехер оставлять такое на виду у гостей, верно? – Да положи ты. Камилла опять разорётся...

– Не-а, – говорю, уставившись в потолок. – Пусть орёт.

– Давай к Лисе?

– Давай, мне всё равно, – отвечаю и прошу колонку включить музыку громче. Секундой погода зажигаю сигарету и начинаю дымить прямо там. Влад ничего мне не говорит, так как сам частенько так делает. Хотя его родители, конечно, против.

– Ну и зря, Анжела хочет тебя видеть, – лыбится он и мы

поворачиваем головы на звук внезапно открывшейся двери. Я так и знал, что она не выдержит. Знал, что её и музлю вы- бесит, и что соскучилась по мне, похоже.

— Влад, сделай тише, — звучит писклявый тон, маленькими шагами она подходит к колонке и убавляет звук, после чего ручки срывают с меня лифчик. — Отдай, придурок!

Не могу упустить возможность подьесть её вновь и упо- мянуть её сиськи. Мы снова ругаемся, и мне нужно это как доза порошка для наркомана. Бодрит так сильно, что в ушах звенит и яйца болят от её напористости.

Кажется, перегибаю, потому что, упоминая её задницу, слишком уж нарушаю границы, и Влад даёт мне по рёбрам за это. И правильно делает. Не представляю, что было бы, если бы он хоть на секунду оказался у меня в башке, где я имею его младшую сестру во всех позах с тех самых пор, как ей исполнилось шестнадцать...

Нет, что-то было и до... Что-то странное. Каждый раз, ко- гда я видел её мне непременно хотелось сделать какую-ни- будь дичь лишь бы она думала обо мне весь последующий день. И не только. Наверное, так работали мои гормоны. Ко- гда я лишался девственности мне было семнадцать, а ей и вовсе пятнадцать, я и думать не хотел о том, что хоть ко- гда-то посмотрю на неё в таком ключе. Просто любил с ней общаться. Пусть не так как ей хотелось, но так как хотелось мне. Тем более я всегда был эгоистом. Почти.

Каждое наше препирание, каждая ссора, сопровождаю-

щаяся пусть и случайными касаниями наших тел начинала буквально сводить меня с ума. Я думал о ней всё сильнее и мысли становились далеко не невинными. Вдруг я начал осознавать, что её тело совсем изменилось. От миловидного детского личика остался лишь взгляд. Всё остальное неожиданно стало взрослым и держаться было всё сложнее.

За столько времени нашего общения мы могли бы реально стать как брат с сестрой, но не подфартило. Во всяком случае мне. Я целовался с другими, а смотрел на неё. Позлить, выбесить, сделать так, чтобы она сама ко мне прибежала. Цель, которая засела в башку и стала ядовитым плющом на моём теле.

А ведь она всегда казалась мне обычной. Совершенно обычной, но тянуло так, что впору было перерезать самому себе тормоза. В какой момент я упустил её созревание? Когда проморгал? А что, если её уже кто-то реально трогал? Трогал по-взрослому? Если это так, я бы вероятно сдох. Не знаю, почему. Потому что не хочу, чтобы кто-то трогал младшую сестру моего лучшего друга, который мне как брат. И все в школе это знали. А теперь мы далеко... В разных университетах. Мог ли кто-то осмелиться и снять наш запрет? Могла ли она кому-то уже успеть отдаться?

Нет, блин, это же Камилла... Ну не могла она.

И вот я стою перед ней, округляя свои глаза. Внутри меня плещется ярость, а снаружи я лишь растягиваю губы в напускной ухмылке. На экране – резиновый член, а её щёки

краснее самого спелого в мире помидора. И всё что остаётся, это перевести всё в шутку. В грёбанную шутку. Подъесть. Тогда как внутри меня острое желание её убить.

Сердце стучит с такой скоростью, с какой не работает адронный коллайдер. Касаюсь её кожи на шее своими губами. Мимолётно, шепча на ухо какую-то дичь. Сам не знаю, что не несу.

Рядом с ней я – вот это существо. У которого мозги работают иначе. Она что-то делает со мной. Ни одна девушка так не могла. Ни разу. Ни одна. Сколько бы им ни хотелось залезть мне под кожу, всё внутри уже занято. Ею...

Хочу засосать её так, что трясёт всего от переизбытка чувств, словно я снова стал мелким прыщавым пацаном, который впервые провожает девчонку до дома. Не успеваем завершить наше «приятное» взаимодействие, как она со всей дури пинает меня коленом по яйцам, и я медленно съезжаю по стеночке вниз, думая лишь о том, что в следующий раз хрен она уйдёт от меня так просто...

Тем более, с этой картинкой в телефоне...

Глава 2.

Камилла Садовская

Сижу на улице уже полчаса и переписываюсь с Машей. Меня нещадно трясёт от его влияния на меня. Подруга говорит, что Мирон – придурок, и что мне следует не обращать внимания, но я буквально не могу этого сделать, потому что он портит всё моё существование. А это именно существование – не жизнь! Потому что он достал меня настолько, что стоит поперёк горла, словно кость!

Вскоре ко мне подходит нахмуренный Влад, выдирая меня из моих мыслей.

– Что у вас опять случилось? – спрашивает он, присаживаясь рядом, и закуривает сигарету. Если бы он только понял меня... Если бы услышал...

Но сколько бы ни говорила – тщетно. Они все считают его хорошим, а меня слишком нервной.

– Ничего. Ты разве не знаешь, что твой друг – идиот? Поздравляю, теперь знаешь, – язвлю я, скрестив на груди руки. – Ты чего курить здесь собрался? Отец с тебя три шкуры сдерёт.

– Да он нормальный, – делает Влад затяжку и протягивает мне сигарету, улыбаясь. Я, конечно, пробовала курить, но мне это не особо приятно. А они с Мироном делают это постоянно, будто без них жить не могут, блин.

– Нет, спасибо, – отвечаю, мотая головой, и грущу.

– Что с тобой? Ты в последнее время какая-то совсем злая, – отвечает он, заставив меня обомлеть. Ну, вот! Опять!

– Я, блин, не злая, просто твой друг то таскает мои вещи, то в наглую берёт мой телефон. А это личное пространство, к твоему сведению! И вообще он достал меня настолько, что я... – заявляю я и слышу звук двери сзади.

– О, мегера жалуется, – Мирон подходит сзади и садится рядом с Владом, и я быстро встаю с крыльца, лишь бы не быть с ним рядом. Раздражает. Просто до белого каления раздражает. Надменный говнюк.

– Влад, наверное, надо уже попрощаться с ним, ведь у нас сегодня важный ужин, – сцепив зубы, говорю я спокойным тоном. Мечтаю, чтобы он поскорее ушёл отсюда и не возвращался. Ему тут вообще не место.

– А... Не дождёшься, – смеётся тот, пока брат пожимает плечами.

– Отец разрешил ему побыть с нами, – на лице брата тоже появляется дебильная улыбка.

– Что?! Да он же... Ты посмотри на него. На нём места живого нет. На лице фингал, футболка вся рваная, где ты, блин, его нашёл?! – спрашиваю я, в панике разглядывая этого придурка.

– Тссс, дорогуша, соседей напугаешь, потише... Такая нервная. Месячные у неё или что? – спрашивает он у Влада, и я окончательно психую, направляясь внутрь дома и хлоп-

нув за собой дверь, пока они оба ржут за моей спиной, как полоумные.

Как же он неистово меня раздражает. Это какой-то невероятный уровень ненависти. Когда ты смотришь на человека и хочешь вмазать ему только за то, что он существует. Я кое-как остываю в своей комнате, потому что думаю б Андрее. Только мысли о нём способны выдернуть меня из суровой реальности, где главным кошмаром моей жизни служит Мирон Духов. Какая же дебильная у него всё-таки фамилия! Да и имя тоже! Бесит!

Когда приезжает мама, мы с ней вместе готовим и ждём отца с коллегами, точнее, с деловыми партнёрами, как он их называет. Мой отец – адвокат. Очень известный, кстати, адвокат. Садовский Александр Борисович. Квалифицируется на разводах, но иногда берёт и других клиентов. А мама у меня нежный цветок, который надо лелеять. Её зовут Роза. Как всегда, мы с ней много говорим про учёбу, мальчиков и я снова жалуюсь ей на придурка Мирона.

– Да, успокойся, малышка, ты ему просто нравишься, вот и всё, – мама ставит курицу в духовку, пока я морщусь.

– Фу, это очевидно не так, – отвечаю я с пренебрежением. – А если бы даже было так, то я бы совершенно точно послала его куда подальше с его такой «симпатией».

Кроме того, ему хватает его шалав, я уверена. Их у него хоть отбавляй. Причём самых разных. Доступных и развратных. Мама смеётся надо мной. Она часто так делает. Это за-

бавляет её, словно она не видит в нём ничего плохого. Хотя, похоже, так и есть... Они с отцом, словно слепые, если речь заходит за этого дьявола...

– Мальчишки всегда ведут себя глупо, когда им нравится девочка. Это нормально, у них мозг иначе работает, – хихикает мама, переубеждая меня.

– Ага, конечно, – соглашаюсь, нарезая салат. – Надеюсь, Влад хоть даст ему рубашку, не хочу, чтобы папины коллеги подумали, что у нас в доме живёт какой-то бомж.

– Тишшш, Камилла, он просто подрался, защищая твоего брата, вот и всё. Поэтому сегодня так выглядит, – отвечает мама, на что я лишь недовольно цокаю. Мне плевать, почему у него всё время рваная одежда и синяки на теле, просто не хочу, чтобы про нашу семью незнамо что подумали.

– Он всегда так выглядит и всегда дерётся, – шепчу я, услышав, что дверь уже открывается, а я ещё даже не собралась. – Блин.

– Бегом наверх, я доделаю, всё нормально, – мама улыбается, приветливо встречая отца и других мужчин, пока я, сломя голову, бегу в ванную. Дёргаю ручку, но там закрыто. Стою около пяти минут и громко стучусь, но никто не открывает.

– Эй... Влад! – повышаю голос в бешенстве. – Мне тоже надо собраться. Чем ты занимался, пока я готовила?!

Внезапно дверь открывается, и Мирон возникает передо мной в одном полотенце, приспущенном на бёдрах. У меня

дар речи просто пропадает и все слова застревают в горле. Придурок. Тут же судорожно отворачиваюсь, указывая пальцем на дверь брата.

– Вон! – говорю с раздражением на устах, представляя, что он мылся в нашей ванной, и теперь неудачно приземлившись, можно либо забеременеть, либо заразиться чем-нибудь венерическим.

– Какая же ты противная, – обходит он меня стороной и улыбается, отпустив полотенце, которое падает, обнажая передо мной его пятую точку. – Ой... Случайно обронил. Не пялся только...

Пробегаюсь глазами по его телу. Трясёт. Спина словно высечена из камня, про всё остальное вообще молчу. Козлина!

– Ааааа!!!! – возмущаюсь, повышая голос, и сама понимаю, что выгляжу как психопатка, но такой тип доведет любого до истерики. Хотя задница у него несомненно красивая. Это меня пугает больше всего. Какого чёрта мне вообще есть дело до его задницы?!

Сегодня ведь что-то вроде праздника, у отца новое крупное дело. Поэтому, когда выхожу из ванной, надеваю своё любимое красное платье и распускаю каштановые волосы с ярко красным омбре внизу, которые у меня, кстати, выются от природы. Не сильно, но мне нравится. Наношу лёгкий макияж, и вуаля! Я готова к новым победам. Но на самом деле я хочу отпроситься у мамы хотя бы на полчаса до Егора Бергмана, чтобы увидеть там Андрюшу... Я просто мечтаю

об этом. Поэтому и вырядилась столь нарядно.

Спускаюсь и вижу Влада, он стоит возле отца, и тот горделиво что-то о нём рассказывает. Хочу найти маму, но на кухне снова натыкаюсь на Мирона, который доливает какую-то жидкость из фляжки в бокал шампанского. Видимо, Влад всё-таки дал ему свою рубашку. Слава Богу, он не голый и не в своих дырявых окровавленных вещах. В такие моменты мне кажется, что он вылез из подвала, где приносил в жертву девственниц во славу Сатане. Жуткий тип.

– Если облюёшь наш дом, я тебя сдам, – говорю, проходя мимо и огляывая его, чтобы взять себе сок. Чувствую его каждой клеткой своего тела. Будто рядом с ним я электризуюсь.

– Пффф... Стерва, – шепчет он себе под нос. – За тебя! – салютует, прежде чем выпить содержимое.

– Ага... Алкаш, – беру канapé и иду искать маму. Она как раз стоит на веранде и дышит свежим воздухом. И вдруг я замечаю в её глазах слёзы.

– А... Камилла... – шмыгает она носом, надевая маску радости, как обычно.

– Нет, мама, меня ты не обманешь. Что случилось?! – спрашиваю, нахмурившись. Давно не видела её такой разбитой. На ней буквально нет лица.

– Ты всё всегда замечаешь, – отвечает она, вытирая подтёки туши под глазами. – Только что отец сказал, что уезжает на месяц в Питер.

– Блин, мама... Умеешь ты напугать... – я вздыхаю, и с

моих плеч падает огромный груз. – Он же вернётся... Не навсегда уезжает... Всего месяц! И это соседний город, блин!

– Да, но представь, каково мне будет без него! – хныкает она, пока я закатываю глаза. Боже... Да она настоящая катастрофа. Они с отцом вместе со школьной скамьи, и вот что из этого вышло. Полное отсутствие самостоятельности со стороны матери. Она настолько его любит, что с ума сходит уже через неделю после разлуки, хотя отец ведёт себя сдержанно. Он у меня грубый и беспринципный, как положено любому хорошему адвокату. Однако, если дело касается семьи, тут у него есть свои постулаты, касающиеся семейных ценностей.

– Всё будет хорошо, мам... Я тебя уверяю, – говорю, обняв её, и случайно смотрю в окно, где вижу Мирона, который смотрит на нас. Станный взгляд. Будто пьяный. Лишь бы он не испортил нам ужин, я всегда за это переживаю. – Мам... У меня вопрос, мне надо в одно место... Буквально ненадолго. На полчаса или часик... Можно мне отлучиться, пожалуйста, это вопрос жизни и смерти.

– Там будет твой Андрей, да? – спрашивает мама, на что я робко киваю. Мама улыбается, вздыхая. И я понимаю, что она вспоминает молодость, не может же она мне отказать, верно? Отец бы мог, но она его уговорит, я уверена. Нужно только ещё немного поиграть на чувствах.

– Он сам меня пригласил, представляешь? – добавляю с довольной ухмылкой, и мама щёлкает меня по носу.

– Ладно, езжай, я прикрою перед отцом, – отпускает меня

мама, и я как дурочка хлопаю в ладоши, набирая номер своей подружки. Надеюсь, она поддержит меня и съездит туда со мной, а то, признаться честно, я боюсь до трясущихся ног и потеющих ладоней.

Мама заходит в дом, и в это самое мгновение оттуда выходят Влад, плюхаясь на крыльцо неподалёку от Мирона. Я отхожу дальше, и мы с Машкой договариваемся о встрече. Ура. Она согласна ехать. Мирон держится за голову, пока Влад обнимает его за плечо, будто родного брата, блин.

– Пропустите, – требую я, так как они мешают пройти, а мне нужно взять деньги и сумку. Этот говнюк развалился прямо перед дверью, блокируя вход.

– Кам, подожди, видишь ему плохо, – говорит он, отчего я растягиваю губы.

– А меньше надо было мешать водку с шампанским, – ворчу я, глядя на его мучения.

– Вообще-то у меня сотрясение, – уточняет он, вызвав у меня смех. Сотрясение, ага. Интересно, он понял это до того, как показывал мне свою задницу или после?

– Ясно... Мне надо ехать, – поторапливаю их я, но Мирон откидывается назад, прямо на нашу дверь. – Да ты издеваешься?

– Куда это ты собралась на ночь глядя? – спрашивает он, картинно схватившись за сердце.

– Тебя это не касается, придурок, – отвечаю, на что брат недовольно косится на меня.

– Нет, Камилл, серьёзно. Какого чёрта? Время почти десять, – говорит он, отчего мне становится смешно.

– Пффф... Это говоришь мне ты? Тот, который с пятнадцати не приходит домой ночевать и просит лгать за него отцу, серьёзно?! – спрашиваю в недоумении. Чужая наглость не ведаёт границ. – Это не смешно, Влад! Мне уже восемнадцать!

– А я и не смеюсь. Я – парень, блин! А ты девчонка. С кем ты туда собралась? – спрашивает он, и я вижу, что Мирону сразу становится легче.

– Выходит, ты специально?! – смотрю я на его притворство. – Ты нарочно это начал, чтобы втянуть в диалог Влада, да?! – я хочу его придушить.

– Не знаю, что ты пошла туда делать, но явно не в куклы играть, особенно после той штуки, что я у тебя видел, – говорит Мирон, заставив меня обмякнуть и замолчать. Вот ведь подлый гондон.

– Какой штуки? – хмурится Влад, и я краснею.

– Никакой! Да пошли вы! Оба! – плюю на них и иду на задний двор, чтобы зайти в дом оттуда, пока Влад продолжает что-то спрашивать. И Мирон ведь специально подливает масла в огонь. Грёбанный эгоист.

Я захожу на цыпочках, чтобы никому не мешать, ведь рядом гостиная, и бегу наверх за сумкой и деньгами. Вызываю такси, подкрашиваю губы и брызгаю на себя любимые духи с ароматом цитрусов, а затем украдкой спускаюсь и прохожу

мимо родных к выходу. Там меня уже ждёт машина, возле которой снова трётся мой брат и его придурочный дружок.

– Чтобы вёз аккуратно, головой отвечаешь, – рывкает Влад на таксиста, вынудив меня закатить глаза. Да кем он себя возомнил? Внезапно стал идеальным братом? Когда речь зашла о моём веселье. Конечно. А Мирон смотрит так, словно готов выжечь дыру в моей спине.

– Эй, Каля! – кричит он вдогонку, нарочно на всю улицу называя меня столь по-дебильному, но я даже не хочу смотреть на него. – Каляяяя! У тебя платье задралось. – продолжает он, и я вынуждено оборачиваюсь перед тем, как сесть внутрь авто. Вот ведь козёл. Стоит и ржёт, потому что ничего не задиралось.

– Кретин! – выдаю, захлопывая за собой дверь и называя адрес. Машка пишет, что уже подъехала туда и ждёт меня. От этого меня ещё сильнее потряхивает в предвкушении встречи с Андреем. Господи, почему-то он мне так нравится. Я всё время думаю о нём, порой даже когда сплю.

Машина подъезжает, и я вижу на пороге Машу, которая с кем-то болтает. Едва заметив меня, она тут же кричит моё имя.

– Я видела его, – хихикает она, прижимая меня к себе. – Ты обалденно выглядишь!

– Да? Спасибо... На самом деле, я волнуюсь, – говорю я, но она отмахивается, протягивая мне коктейль. – Что это?

– Коктейль какой-то, вроде вкусный, – сообщает она до-

вольным тоном, и я немного отпиваю. – Он внутри, играет в эту херню с шариками и пивом с парнями. А ещё там Рита и Линаааа. – она демонстрирует тошноту, и мы смеёмся, но мне они не нравятся. Тем более, что Рита тоже влюблена в Андрея. Мы все в одной школе, блин, учились. – Идём. – Машка тащит меня внутрь. – А ты чего так долго? Я тебя уже полчаса жду.

– Придурок Мирон, – отвечаю я, и она почему-то хихикает.

– Ты всё время так говоришь, – мы останавливается возле большого стола, и я вижу его. Такого красивого и в буквальном смысле сияющего. – Эй, ну подойти к нему. – Толкает она меня в плечо, но я на каблуках, и реально чуть заваливаюсь в его сторону, случайно задев его локтем.

– Извини, – говорю я, на что он зависает на несколько секунд, осматривая меня с ног до головы.

– Ого... Ты пришла, – в его глазах искреннее удивление. Кажется, он действительно рад меня видеть. – Тебе очень идёт... Это платье, имею в виду. – продолжает он, но нас перебивают.

– Эй, Андрюх! Ну давай уже, твой черёд!

– Я сейчас, ладно? Подожди меня, – просит он, глядя мне в глаза, и я киваю, возвращаясь к Маше. Боже мой, боже мой. Это просто с ума сойти!

– Видела? – спрашиваю и вижу её дурацкое выражение лица, она вся покраснела, как помидор, и смотрит на меня

с умилением.

– Видела... Пойдём, покажу тебе кое-что, пока он играет, – Маша тянет меня за руку в какую-то комнату, и я покорно следую за ней. Мы проверяем, чтобы там было пусто, и закрываемся. Вдруг она открывает сумку и достаёт эту штуку. Огромную натуралистичную штуку. Машка нажимает на кнопку, и та начинает издавать звуки и дёргаться, отчего я невольно прикрываю рот рукой.

– Какая же ты извращенка, Логачёва! Зачем ты притащила его сюда? – я спрашиваю и беру его в руки. Какой лёгкий... Интересно, а член точно такой же по размерам? Если да, то как он залезает внутрь... Анатомически это немного...

– Смотри, – она нажимает другую кнопку, и он начинает ещё сильнее вибрировать. Я смеюсь, удерживая его в руке. Я даже порно, блин, никогда не смотрела... Только романтические фильмы о любви, где пенисы, увы, не показывают...

– Господи, какой он прикольный, – ржу, держась за живот, обдумывая, что мы с лучшей подружкой сидим вдвоём и разглядываем искусственный фаллос на какой-то вечеринке в чужом доме. Нет... Так можем только мы с ней.

– Так и что там Мирошка? – спрашивает она, и я хмурюсь.

– Мы вроде про члены разговариваем, а не про мудаков, – говорю я, и она смеётся.

– Я серьёзно... У него тоже есть член, – утверждает она, и мне становится нехорошо. Особенно после того, как увидела его голую задницу.

– Сейчас вот даже... не продолжай, – затыкаю я её жестом, всё ещё играя с этой игрушкой. Касаясь верхушки и поглаживая. – А не то засуну его в твой рот.

– Коза, – Машка откидывается на кровать и смеётся.

– Надеюсь, ты им ещё не пользовалась, – говорю я, на что она начинает смеяться.

– Ну ты и дура, Садовская! – выкрикивает она, и я выключаю его.

– Если серьёзно, мне так нравится Андрей... Я приехала сюда, чтобы побыть с ним, и думаю, что я бы даже сделала с ним это, – делюсь я, на что она чуть приподнимается и смотрит мне в глаза.

– Реально? Отдалась бы прямо сейчас?

– Да, думаю, да, – признаюсь я, вызвав у неё улыбку.

– Какая же ты романтичная, Мила, – Машка улыбается, поправляя мои волосы. – Пойдём... Пора. – подружка убирает игрушку обратно в свою сумочку, и мы выходим из комнаты, чтобы я могла, наконец, поболтать с Андреем. Но когда мы спускаемся то, что я вижу, вызывает у меня паралич конечностей. На нём повисли мой брат и Мирон, которые каким-то образом тоже здесь оказались. Как навязчивые пиявки на теле. Машка застывает, наблюдая за этим, а потом смотрит на меня тревожным взглядом.

– Что они здесь делают? Ты говорила адрес?

– Нет... Видимо кто-то написал в одном из старых чатов... Проклятье. Он не отстанет... Спасибо, блин, за вечер,

Влад! – бубню я себе под нос, и Машка с досадой смотрит на меня.

– Ой, – говорит она, и я поворачиваю взгляд. Мирон подходит так близко, что мне становится неудобно. Трудно дышать.

– Что ты делаешь? Отойди, – дёргаюсь я, отодвинувшись от него, пока он смеётся надо мной.

– Ты что... Из этих? – спрашивает он, глядя на нас с Машкой по очереди.

– Чего?! – морщусь я, и Маша слегка отталкивает его рукой. Он совсем придурок?

– Послушай, иди отсюда, у тебя нет шансов, понял? – рывкает она категорично, и при этом смотрит на Андрея. – Это её парень, так что проваливай!

Вдруг Мирон начинает ещё сильнее хохотать, указывая на него пальцем и глядя на меня с неким разочарованием..

– Вот это чучело, Каля, серьёзно? – тембр его голоса раздражает меня настолько, что я мечтаю всадить ему нож в печень. Он что, серьёзно считает себя лучше всех? Ненавижу его. Ненавижу этот смех, эту дебильную ухмылку. Эти ямочки на щеках. Проклятье, да я его всего ненавижу!!!

– Просто отстань от меня, говнюк! – отвечаю я не своим голосом, и ухожу оттуда в смешанных чувствах, пока Машка догоняет меня. – Зачем ты ему сказала? Теперь он будет издеваться.

– Я, наоборот, хотела, как лучше, чтобы он понял, что ты

занята, — она выходит за мной на крыльцо, и мы стоим там, как две дурочки, хотя на улице довольно прохладно.

— Ему на это плевать, ему просто хочется испортить мою жизнь. Я понятия не имею, зачем он это делает. Но не стоит ему ничего обо мне знать, потому что он всё ломает. Такова его черта характера. Он ломает моего брата и ломает меня. Он вообще не умеет дружить, не умеет любить. Как чёртов паразит, что сидит на шее у Влада, — жалуюсь я, и слышу, что одна из досок сзади скрипит. Я тут же морщусь и оборачиваюсь.

— Вау... Не думал, что ты обо мне такого мнения, — твердит он, глядя на меня с каменным лицом. — Ясно.

Мирон бросает недовольный взгляд на мою подружку, которая не знает, куда себя деть. Я и сама немного теряюсь от этого, но он продолжает стоять здесь и никуда не уходит.

— Самое время развернуться и картинно обидеться, как ты любишь это делать! — говорю я, на что он равнодушно зевает, рассматривая меня.

— Дорогуша, если ты думаешь, что я оставлю тебя здесь с этим придурком, то ты верно сошла с ума, — прерывает он меня, заставив нас с Машей приподнять брови в недоумении.

— Эммм... Ты вообще, блин, кем себя возомнил?! Придурок здесь один! И это ты! — отвечаю с яростью, и он снова улыбается.

— Да мне плевать, Каля. Реально. Можешь хоть гондоном

меня называть, но ты с этим Андрюшей не останешься, а Влад сейчас вероятно выбьет ему все зубы и не только, – улыбается он, заставив меня обомлеть.

– Чего? – спрашиваю, подходя к нему ближе. – Что ты говоришь? За что? Зачем?! – мой голос начинает срываться с петель.

– Просто так, для профилактики, – продолжает он, и я бью его кулаком в грудную клетку.

– Хватит нести чушь! – я обхожу его стороной, а он подходит сзади, обхватив меня за плечи. Я снова ощущаю его губы возле своей шеи. Это липкое чувство неприязни, граничащее со страхом и чем-то ещё...

– Я сказал ему, что тот кретин лапал тебя за задницу и отправлял фотки члена.

– Ах ты сукин сын!!!! – резко разворачиваясь, я начинаю хлестать его по всему телу, и вдруг слышу громкие крики внутри. Господи, только не это. Мы с Машей быстро открываем дверь, и я вижу, что Влад уже нависает над Андреем и бьет его. Прямо по его красивому лицу. В этот самый момент все мои внутренности выворачивает наизнанку. Господи, он теперь никогда ко мне не подойдет. Ощущение, что мне реально воткнули нож в сердце. Я стою и прикрываю рот рукой, пытаюсь выкрикивать брату, чтобы он остановился, что всё это не правда, и его уже оттаскивают другие парни, а проклятая Ритка подбегает к Андрею, чтобы помочь встать. Я не верю своим глазам. Господи, зачем я сюда пришла...

Сзади меня снова появляется довольный Мирон и склоняется к моему уху.

– Не благодари, – шепчет он своим ядовитым голосом, и я закрываю глаза, пока меня трясёт от бешеной ненависти к нему...

Глава 3.

Мирон Духов

Вообще не собирался на какую-то там тусу. Весь вечер хотел бухать и смотреть на то, как моя любимая вредина бегаёт от моих взглядов. Но она, зараза, словно специально решила меня кинуть.

Не отвечал Анжелке уже три дня, хоть она и закидала меня сообщениями. Ненавижу прилипал. А с недавнего времени другие девушки всё сильнее лезут ко мне. Не знаю, что это за активизация на ровном месте такая, будто потенциально чувствуют рядом другую самку. У баб так работает, да? Хер его знает... Вообще у меня всегда на фоне была такая. Просто я не демонстрировал, а с недавнего времени Каля мне ещё и снится... Проникая под кожу своими гадкими ручонками.

Я пытаюсь переключиться от остальных проблем, происходящих в моей жизни... Вот и залипаю на неё постоянно. Порой кажется, что ради неё одной всё ещё существую, как ни странно... Даже если она меня прямо всей душой презирает.

Смотрю на неё и понимаю, что как раз это меня в ней и заводит. Она не бегаёт за мной. И сколько нас с ней помню – никогда не бегала. Когда-то хотела подружиться – да. Но я быстро показал свой характер. А ещё то, что нам с ней нико-

гда не ужиться в одном мире. Никогда не понять друг друга. Издевался и не только. Вёл себя как последняя сволочь.

А вот сейчас...

Сейчас смотрю на то, как она вырядилась и всего трясёт. Вырядилась для кого-то? Кого-то, кому необходимо в срочном порядке вставить мозги, блин, на место.

Уговариваю Влада ломануться следом на ту самую вечеринку. Ибо меня начинает трясти от предположения, что она будет там с каким-то гондоном. Что он будет касаться её и возможно делать какие-то вещи...

Стрёмные вещи...

И я просто подливаю масла в огонь, вставляя фразы «Ей ещё рано, она маленькая, платье короткое».

Влад мгновенно вспыхивает как спичка. От злости. От негодования, что Камилла куда-то поехала, и мама её так просто отпустила. Он и сам не допустит, чтобы его младшую сестрёнку кто-то касался. Ну а я пользуюсь этим, как бы ту-по ни звучало...

– Едем, – буквально кричит мне, поторапливая, а я якобы равнодушно пожимаю плечами. Хочу, чтобы это выглядело как его инициатива, потому как не собираюсь никому открываться.

Тем более, лучшему другу... Он бы никогда не понял и не простил мне этого.

Всякими уловками он узнаёт к матери, куда она поехала... Ну и когда звучит знакомая фамилия Бергман, мы уже не

думаем. Летим...

Добираемся до места в течение минут двадцати, так как оба выпили и пришлось вызывать такси. Пьяными за руль мы не садимся никогда. Вот только ни Камиллы, ни её подружки нигде нет.

– Пей, пей, пей, пей! – слышу доносящиеся крики со всех сторон и мне уже тошно от того, где я нахожусь. Вокруг одни малолетки – первокурсники. И девок тут полно, но у меня же мысли об одной – той самой. А поделать ничего не могу, потому что она засела в мозгу как чёртова заноза. Бесит, бесит, бесит!

– Ты здесь посмотри, я там, – просит меня друг. – Только делай всё естественно. Будто тусить приехали. А не просто её искать. Ок?

– Ок, – отвечаю сдержано и хожу по дому, высматривая каштановую копну, которой, как назло, блядь, нигде нет. Нервничаю. Злюсь. А когда я злой, от меня ничего хорошего не жди. Именно так я вчера уделал трёх парней с потока, которые пытались что-то втирать Владу. Терпеть не могу, когда кто-то цепляется за его фамилию. Занимает у него деньги, словно он благотворительный фонд, а потом не отдаёт. Возможно, я слегка перестарался, так как один из них успел оставить мне синяк под глазом, зато потом еле убежал от меня. У меня не простая жизнь. Часть её знает только Влад, но я никогда и никому не раскрывался до конца. А Кале лучше вообще не знать, чем я занимаюсь в свободное от учёбы вре-

мя. Чем живу и что у меня внутри. С её бабочками в башке, она бы не вывезла. Ни меня, ни то, что меня окружает.

Однако это никак не останавливает меня до одури хотеть её. Целиком и полностью...

Через минут десять всё же вижу их вдалеке с покрасневшими щеками, спускающихся со второго этажа. Ладно хоть с подружкой там была, а то бы прямо на месте закопал какого-нибудь бедолагу.

Двигаю к ним. Подхожу сзади неё. Снова. Это моя любимая позиция. Я выбрал эту территорию и никогда её не оставляю. Она вздрагивает, как всегда, это делает. И даже это вставляет меня так, что внутри ураган.

Перекидываемся «любезностями», я слышу про какого-то парня. Вижу его. И в мгновение ока закипаю. Парень? Парень, блядь? Вот этот кусок дерьма? Ладно, что ж... Проверим...

Подхожу к Владу и шепчу ему на ухо пару ласковых. Про её парня и фотки в галерее. А тут уже всё...

У Влада за секунду башню срывает, и я доволен. Конечно, если дружки этого самого Андрюши вмешаются, я тут же влезу в драку и разнесу каждого, кто хоть тронет моего лучшего друга, но пока не стремлюсь, тем более, что отпор никто не даёт. И я просто наслаждаюсь победой, глядя на то, как Камилла сходит с ума от ужаса. Ведь её тупого поклонника втаптывают в пол...

Неужели реально так нравится ей? Нравится, как он сто-

нет от боли и чуть ли не плачет, получая от её брата по роже? Как такой парень вообще может считаться парнем? Она что ослепла? Блядь... Мне совсем не смешно видеть её реакцию.

Но ощущать тепло от её кулаков вставляет. Как самый крепкий в мире алкоголь... Она ненавидит меня, а это уже само по себе прекрасно...

– Я ненавижу тебя! Ненавижу! – возмущенно ревет прямо мне в лицо, пока я смотрю в её карие неземные глаза и усмехаюсь. Пытается меня бить и хлестать.

– Полегче, дурочка, поранишься... – перехватываю её тонкое запястье, а она буквально пыхтит, извергая пламя. Через секунду вырывает свою руку и отходит от меня, как от главного траббла своей жизни...

Глава 4.

Камилла Садовская

Не знаю, что теперь будет. Не знаю, как смотреть Андрею в глаза. Мне не просто стыдно, мне максимально дерьмово... Его побил мой родной брат! Это фиаско... Ещё и ни за что! Я бы поняла, если бы мы действительно уже встречались, и он что-то бы сделал против моей воли, а так... Это днище...

– Маш, давай уедем отсюда, – беру подругу за руку, пока меня всю трясет от случившегося.

Этот придурок Мирон стоит рядом и лыбится, глядя на то, как Андрей утирает кровь с лица. Это самое позорное и ужасное, что могло произойти со мной. И это ведь мой Андрей. Тот самый мальчик, в которого я влюблена с одиннадцати лет. Один единственный достойный парень в этом гадюшнике.

– Конечно, я вызову такси, через тебя до меня, – говорит Маша, набирая номер в телефоне. Водитель приезжает достаточно быстро.

Я даже не хочу говорить с Владом после этой выходки. Просто молча сажусь в машину с Машей, и мы уезжаем домой. В окно машины я смотрю на то, как Мирон провожает нас взглядом. Показываю ему средний палец, а он стоит, сложив руки в карманы джинсов, и усмехается, когда к нему подходит какая-то очередная шалава и обнимает его сзади.

Слёзы сами текут из моих глаз, и я не могу успокоиться. Это самый ужасный вечер из всех возможных. Самый ужасный и невыносимый. В груди болит так, будто мне вырвали сердце.

– Камилл... пожалуйста, поговори со мной, – просит подруга, сжимая мою руку. – Он – идиот, и ещё ответит за это.

– Нет, не ответит. Ему всё сходит с рук. Всегда, – шепчу я, утирая влажные щеки. Я реально не верю в карму... Кто может отомстить ему, если не я сама???

– Послушай... Ну, может, есть какой-то выход? – спрашивает она, поправляя мои волосы. – Давай мы что-нибудь придумаем.

– Давай мы запрем Мирона в подвале. Увезем его далеко-далеко отсюда и закроем где-нибудь, чтобы он сдох от голода и холода, я реально этого хочу! – я всхлипываю, пока таксист косится на меня в зеркало заднего вида.

Машка ржёт, но мне не до смеха.

– Успокойся, дорогая, – успокаивает она меня, пока машина не останавливается возле моего дома. – Ой... мы приехали.

– Я напишу тебе, хорошо? Мне нужно переварить это. Как доберешься до дома, дай мне знать, – целую её в щеку на прощание, и убегая внутрь.

Родители ещё с гостями, я отмечаюсь маме издалека и ухожу к себе, чтобы она не заметила мой вид. Мои зареванные глаза и размазанную тушь. Не хочу ничего рассказывать.

Мне больно. Особенно за то, что сделал Влад. Смотрю на себя в зеркало. Выгляжу просто отвратительно. Настолько, что хочу сорвать с себя это чёртово платье. Плюхаюсь на кровать, смотрю в потолок и начинаю думать о том, как ненавижу Мирона Духова. Я ненавижу его настолько, что готова на всё, лишь бы сломать его жизнь так же, как он сломал мою.

Я ненавижу его так, что... Погодите-ка...

Незамедлительно хватаю телефон и звоню своей подруге. Аж сердце ускоряется, когда я в течение нескольких секунд генерирую план в своей голове.

– Добралась? – спрашиваю, как только она берет трубку.

– Да, только что, хотела написать, – сообщает она, пока я только планирую озвучить свои мысли. – Что такое?

– Мааааш, обещай помочь мне. Пожалуйста, – прошу у неё, и она тут же выдаёт, даже не спрашивая.

– Обещаю.

– Ты даже не спросила, – за это я её и люблю.

– А я готова на всё, – смеётся она в ответ, как дурочка.

– Маш... Я хочу сломать ему жизнь. Мама всё время говорит, что я ему нравлюсь. И, если она хоть что-то в этом смыслит, я хочу повернуть это против него, Мааааш, – я сжимаю в руках ткань покрывала.

– Как? – спрашивает она, заставив меня ещё больше размышлять.

– Любым способом. Даже если придется изображать влюбленную дурочку, – уверенно заявляю я, однако она пе-

ребивает меня.

– Так... В общем-то, я согласна с твоей мамой. Но это же... Пойми, что придётся всё время терпеть его. А ты и пять минут продержаться не можешь. И, скорее всего, придётся его целовать, – говорит она, отчего меня потряхивает и тошнит. Об этом я что-то не подумала...

– Фу, – морщусь, представляя этот кошмар, и Машка смеётся.

– Вот именно, подруга... Ты быстро передумаешь... Ведь вы с ним реально не выносите друг друга, ну, во всяком случае, один из вас точно, – продолжает она. – Но идея классная, я бы реально охренела, если бы ты ему так отомстила.

– Я тоже, – мечтательно вздыхаю, глядя в потолок. – Спокойной ночи, Маш.

– Спокойной ночи, малышка. Не думай о плохом. Я рядом...

– Я знаю, люблю тебя, – сбрасываю и подхожу к зеркалу. Как мне ещё отомстить? Как сделать ему больно? Любая другая шалость не вызовет такого эффекта. У него больше нет любимых людей. А, узнав, что он трогал меня или уж тем более занимался со мной чем-то таким, Влад точно перестанет общаться с ним. Перестанет приводить его к нам домой. Господи, это буквально моя мечта... Буквально чёртова паранойя!!!

Я всю ночь думаю об этом и не могу сомкнуть глаз, даже когда слышу, что эти два придурка возвращаются домой че-

рез окно в третьем часу ночи. Наверное, они снова пьяные, так как ржут, как кони.

Не знаю, как найти в себе силы сделать то, что хочу, но попробую. Вопреки всему, я попробую сделать ему так же больно, как он сделал мне или даже больнее.

С этими мыслями я всё-таки засыпаю, надеясь, что, наконец, грядёт настоящее возмездие...

Глава 5.

Камилла Садовская

Наступает утро...

Под пение птиц я просыпаюсь в субботу, не желая открывать свои заспанные заплаканные глаза. Родители ещё спят после вчерашних посиделок, которые тоже достаточно поздно завершились.

Я собираю волосы в хвост и иду в ванную, проходя мимо комнаты Влада. Там мёртвая тишина. Похоже, оба оболтуса ещё спят.

Привожу себя в порядок и выхожу оттуда в одном полотенце, и вдруг снова встречаю Мирона в коридоре. Обида сидит на поверхности, ком – в горле, и я даже не могу проронить ни слова, просто не хочу его замечать. Тогда как он, наоборот – смотрит на меня, сканирует ложбинку на моей груди, лупит на мои полуголые ноги, потирая своё помятое после ночи лицо, и ехидно улыбается.

Признаюсь, что раньше я таких взглядов не замечала. Или же не хотела замечать. Может, это была защита моей собственной психики?

– А тебе идёт, – говорит он, не стесняясь, но я равнодушно смотрю в пол и прохожу мимо в сторону своей комнаты, словно его не существует. – Каля, я же пошутил насчёт вчераше! – кричит он мне вслед, но я хлопаю дверью.

Если бы можно было взглядом убить, он давно бы был уже трупом, но увы...

Теперь остаётся только надумывать. А ещё... Готовиться к другому рода мести, если это, конечно, вообще возможно...

Мы встречаемся внизу за завтраком. Я наливаю себе сок и делаю бутерброд с сыром и беконом, но когда отхожу к плите, его с моей тарелки ворует Влад. Постоянно одно и то же...

– Как всегда. Сделай себе сам, – грубо психую, выхватывая его обратно, и Мирон издает свой любимый «ууууф» со стороны, наблюдая за этим.

– А ты сегодня особенно злая и горячая, Каля, не обжечься бы, – смеётся он, отпивая воду из стакана, пока Влад хрюкает от смеха. Как жаль, что я не успела туда плюнуть. Они оба меня бесят просто до белого каления. Окровавленный кулак брата вызывает сейчас столько эмоций. Смотреть на него не могу... Тошно.

– Камилл, не злись на меня. Никто не имеет права трогать мою младшую сестру. Ты ещё ребёнок, – говорит он, отчего у меня выпадает челюсть.

– Нет! Я взрослая, мне восемнадцать, это совершеннолетие и дееспособность, ясно?! Если бы ты учился, а не тусил постоянно, ты бы это, блин, знал! Да любой это знает! – выкрикиваю в бешенстве, чем заставляю Влада скривить губы, а Мирона рассмеяться, как и всегда. И это ещё сильнее провоцирует меня на конфликт. – Этот дебил хоть когда-нибудь

может быть серьёзным?! Ты его в цирке нашёл?! Или на помойке?!

– Блииин, и мне прилетело, остыньте, – поднимает он руки вверх, и я замечаю татуировку на его плече. Я даже не знала, что у него они есть.

– Всё, я в комнату, – беру свою еду и ухожу наверх, не желая с ними общаться.

Всё настолько ужасно, что я не могу даже смотреть на него. Как я хотела мстить, если не могу сдержать себя? Это глупо, Камилла! Нужно быть расчетливее! Сегодня суббота, а значит, этот быдлан останется у нас на полдня минимум. Самое время надеть короткие шорты и идти его провоцировать. Например, мыть окна, точно... Я ведь как раз обещала маме.

Ну всё, Духов, тебе реально конец! С меня хватит.

Представление Камиллы Садовской только начинается!

Берите попкорн и присаживайтесь поудобнее, господа!

Не знаю, конечно, что из этого получится, но... Я буду стараться!

Надеваю до безобразия открытую одежду. Короткий топ, который носила в десятом классе, и он явно уже стал мне маленьким, а поверх красного бюстгальтера смотрится вообще вопиюще непристойно. А так же в ход идут спортивные шорты, из-под которых почти наполовину выглядывают мои давно недетские формы. Хотел разврата? Я тебе его устрою, сукин ты сын.

Беру стул, тряпку и ведро.

Как только слышу громкие звуки из кухни тут же становлюсь в гостиной на высокий стул и приступаю к мытью, виляя задницей направо и налево в наушниках.

Моментально чувствую, как по телу проносится заряд электрического тока. А это значит только одно. Он рядом и он смотрит. Всё просто... Я его на расстоянии уже чувствую.

Когда эти двое заходят, естественно, Мирон не теряется, старается отвлечься на разговор с моим братом, хотя я всё равно замечаю его взгляды. Что самое странное, я начала замечать их только сейчас, когда стала делать так. Раньше я совсем не воспринимала его мимику или жесты, пропуская всё мимо своего внимания. Но я же не дура, блин... Сейчас-то я вижу. Может, реально есть какой-то шанс отомстить?

– О, ты окна моешь... Блииин, я забыл... Пойду закину рубашку в стирку, а то мать меня убьет, я всё кровью вчера заляпал, – сообщает Влад и быстро покидает нас, словно даже не замечает, что я выгляжу как малолетняя шалава, моющая окна у них под носом. Заляпал он... Говнюк. – Чё пойдём со мной?

– Да не, я тут подожду, – отвечает эта беспринципная сволочь. Бинго... Так и знала.

Он дожидается, когда Влад уйдёт, и подходит ко мне, становясь сзади буквально в метре от меня и скрестив на груди руки. Можно сказать, что его лицо находится на одном уровне с моей пятой точкой.

– Чего тебе? – спрашиваю, оборачиваясь к нему на стуле. Он так близко, словно рассматривает мою задницу в упор.

– Ничего, – категорично отвечает он, улыбаясь. – Смотрю на солнечные виды нашей столицы. – продолжает он, сосредоточив похотливый взгляд на мне. Я так и знала, что он клюнет. Так и знала. Поэтому, Камилла, держись. Терпи. Ради мести. Ради всего святого!

– М... И как тебе? – спрашиваю, наклонившись прямо перед ним и вновь намочив тряпку в ведре с моющим средством. Всё капает мимо, попадая на мою одежду. Господи, какой стыд. Я сама не себя не похожа. Даже не думала, что я так умею.

– Скучновато. Слишком тускло, хотелось бы больше... Доступа... Ракурса... Ну, солнца там, зелени, – словно издевается он, улыбаясь при этом во весь рот. Это он про мою задницу?! Вот урод!

– Что ж, наш город в середине октября никогда не радовал погодой, так, что самое время помечтать, – язвлю я, нарочно убирая мокрой рукой выбившиеся волосы за уши, и капли воды капаят прямо на мою грудь. Белый топ тут же облепляет красное кружево. Ужасно. Непристойно. Тошнотворно. Как в дешевом порно... Но я уверена, что такому озабоченному ублюдку как раз-таки такое и нравится.

– Каля, не знаю, чего ты добиваешься, но ты не в моём вкусе, – говорит он надменно, вызвав у меня недоумение и злость. Я тут же разворачиваюсь, но вопреки всем своим

ожиданиям, проклятый стул, пошатнувшись, начинает падать, и я вместе с ним. Через секунду оказываюсь прямо в его руках, испуганная, мокрая, да вдобавок униженная. Жмурю глаза от бесконечного чувства стыда, ощущая на себе его касания. Чёрт. Руки такие горячие, будто раскалённое железо. Они обжигают мою кожу, а я отчего-то таю вместо того, чтобы кричать. Сердце бахает внутри с такой силой, что оглушает.

Приоткрываю один глаз и вижу перед собой его противную улыбающуюся морду.

– Неуклюжая, – шепчет он, глядя на мои губы. Я нахожусь так близко, что у меня кружится голова. Этот запах. Чем он, блин, пахнет?! Чётко ощущаю мяту и хвойные нотки. Мало того, что он касается меня своей кожей, так ещё и дышит на меня. И это ужасно действует на мои внутренности. Меня трясет как будто я сижу на стиральной машине во время отжима. Господи. Что ещё за хрень, Садовская?! Бери себя в руки! Ты позоришь честь семьи!

Тут же собираюсь с силами и жёстко бью его по грудной клетке, отчаянно желая прекратить этот дурацкий паразитирующий контакт.

– Отпусти! – фыркаю на него в ярости.

– Я тебе вообще-то жизнь спас, – твердит он, качая своей головой, а затем ставит меня на ноги. – Оденься нормально, мало ли что Влад ещё подумает. А мне оно нахуй не надо. – издевается он, заставив меня ещё сильнее разозлиться.

Почему все мои планы заканчиваются его издевательствами? Не в его вкусе, значит? Смотрю на него и руки чешутся от того, как хочется ему вмазать.

– Спасибо, – выдавливаю всеми силами, чтобы спасти диалог. Господи. Не верю, что это сказала, да и он смотрит на меня шокировано. – Что спас. – продолжаю, глядя на его побитую морду. Гондон.

– Пожалуйста, – он растерянно смотрит на меня, и вдруг в гостиную возвращается Влад.

– Эй, ну всё, я сделал. Идём к Жентосу на хату? – спрашивает он у него, находясь у меня за спиной, пока я смотрю на Мирона исподлобья, а он смотрит на меня.

Это проклятое сердце выдаёт что-то не то...

Ту-дум... Ту-дум... Ту-дум... Ба-бах!

– Да, идём, – быстро соглашается он и уходит вслед за братом, пока я только осознаю, что чётко уловила пару секунд назад. Это точно оно. Он что-то испытывает ко мне. Как к девушке. И это начинает меня забавлять. Значит, у меня есть возможность. Лазейка... Как ни крути...

Сигналы тела ведь не просто так созданы. А мои тогда почему сбоят?

К вечеру Машка звонит мне, и я рассказываю про то, что учудила. Конечно, она смеется, но гордится мной, ведь я действительно пересилила себя, когда терпела его изречения. Я – молодец.

– Ну и каков дальнейший план действий? – спрашивает

она, хихикая.

– Не знаю... Я зашла к Андрею на страницу. Мне стало так больно. Ритка тварь выставила пост, как обрабатывает ему бровь, – отвечаю я, проглатывая ком в горле. – Ещё и поддувала на неё так мерзко, выпячивая перед ним свои сиськи...

Честно, я чуть не расплакалась снова...

– Мда... Курица, – поддерживает она меня, вздыхая. – Тебе стоит объясниться с ним. Сказать правду. А он уж пусть решает, ссыкло он или мужик.

– Не знаю, Маш... Я бы и близко не подошла к человеку, чей брат сотворил такую хрень, – слышу звуки с улицы. Опять они возвращаются вдвоём. Боже, у этого уродца вообще есть свой дом? Хотя он ведь вовсе не уродец... Сама не знаю, какого чёрта я вообще рассуждаю о его внешности?! Мне плевать ка кон выглядит. Главное, что душа у него уродская! – Мааааш... Они вернись. Что мне делать? Что делать?!

– Не знаю, блин, это ты придумала! – растерянно говорит она. – Предложи им фильм посмотреть!

– Фильм? Какой?

– Да фиг знает, какую-нибудь хрень про супергероев. Доктора Стрэнджа или Ванду, не знаю! – предлагает она, отчего я тут же ржу.

– Поверь, этот извращенец такое не смотрит. Они круглые сутки порнуху разглядывают и обсуждают, кто, кого, куда и сколько раз, – слышу, как внизу хлопает дверь. – Эээх... Не

знаю, как выманить его на это всё...

– Это всё, м-м-м? – заинтересованно повторяет она и ржёт.

– Да иди ты, коза, я перезвоню, – сбрасываю и начинаю думать.

Фильм – можно, да. А если по домашнему кинотеатру внизу, то ещё лучше. Можно сидеть всем вместе на диване. А это неизбежно заставит его смотреть на меня. Да.

Пока думаю о том, как начать своё представление стою под дверью Влада и слышу их странный диалог.

– Думаешь, она одумается? Я вообще не представляю, как ты держишься. Давно нужно его кинуть...

– Хрен знает... Не знаю, как. Молча. Зависаю у тебя, – говорит Мирон как-то очень равнодушно. Хотя он всегда так... Однако, мне теперь кажется, что с Владом он всё же чем-то делится... Я-то вообще ни черта не знаю. И не знала никогда...

– Ты бы больше не ходил туда, чувак. Опасно.

– Ха, – выдаёт Мирон. – Завязывай.

– Я серьёзно. В прошлый раз сотрясение, сейчас ребро. Что дальше?

– А дальше – не ввязывайся в это. Я сам решу.

– Ладно, брат, можешь сколько угодно здесь тусить, правда. Мой дом – твой дом, – отвечает брат, вызвав у меня ступор. Какого хрена?! Что это ещё за новости?! Благотворительный фонд семьи Садовских? Надо действовать быстрее.

Вытурить его отсюда нафиг, чтобы больше никогда-никогда не видеть его!

– Тук-тук, – стучу, приоткрыв дверь, и они оба прячутся на меня с изумлением. Особенно, Мирон. Потому что я уже сто лет не заходила с белым флагом. Обычно влетаю уже с истерикой и тумаками. – Там мороженое есть. Не хотите фильм посмотреть внизу?

– Фильм? – спрашивает Влад удивленно. Когда-то мы так делали, но довольно давно. Мирон просто молчит, совершенно растерянно уставившись в сторону двери, а я жду их ответа.

Ну давай, мудака, соглашайся... Я же по глазам твоим всё вижу...

– Ну давай чё, посмотрим, – отвечает брат, дёргая Мирона за руку. – Пошли хавать мороженое. Но я не обещаю, что не вырублюсь, Камилл. – говорит он мне, на что я киваю. Мне максимально пофиг вырубишься ты или нет, дорогой боратец. Будет даже лучше, если да.

Мы спускаемся и садимся на диван, как прежде. Влад выбирает какой-то тупой фильм про криминал уже в который раз с перестрелками и мордобоями, но мне всё равно, да и Мирону, похоже, тоже.

Первые полчаса брат бесконечно что-то комментирует и ест пломбир, я переписываюсь с Машей, пошагово сообщая, что сейчас происходит, и внезапно слышу сопение. Ну, наконец-то...

Делаю вид, что иду за пультом, чтобы сделать тише, но на деле это всего лишь повод, чтобы усесться рядом с ним. На мне домашнее платье. Вроде спортивной туники. Я сажусь, поджимая голые колени к груди и убавляю громкость. А Мирон смотрит на меня. Таким, блин, взглядом, что у меня по телу проносится лютая дрожь.

– Что? – спрашиваю, повернув свой взгляд и уставившись на него ответно.

Боже, Боже, Боже...

– Когда ты выросла? Я как-то упустил это, – говорит он совершенно спокойным тембром. Конечно, надо было смотреть вокруг себя, а не на сиськи с письками круглыми сутками... Тогда бы точно не упустил.

– Вчера, когда меня предал родной брат, в очередной раз из-за тебя, – язвительно растягиваю губы, вспоминая момент, когда моя жизнь пошла к чертям из-за этого ублюдка.

– Брось. Этот прыщавый сосунок тебя не заслуживал, – заявляет он с высокомерием, и я не знаю, что мне делать, как удержаться от того, чтобы не высказать ему или не ударить, если только не...

Господи, дай мне сил на это...

Кладу руку на его колено. Поверх джинсов, да, но он тут же смотрит на меня так, будто я начала третью мировую.

Перекрёстный огонь.

Мои глаза не отрываются от его лица, когда рука нагло ползёт выше прямо к внушительному бугру между его ног, и

он перехватывает моё запястье, останавливая меня при свете, исходящем от экрана нашей огромной плазмы...

Ту-дум... Ту-дум... Ту-дум... Ба-бах...

Сердце падает прямо в желудок и барахтается там, пытаюсь вернуться обратно...

Глава 6.

Камилла Садовская

Сказать, что в глазах Мирона в первую же секунду плещется ярость и что-то ещё... Что-то запретное, гадкое и мерзкое – ничего не сказать. Но он очень быстро переходит от фазы «нельзя» к фазе «игра», будто собирается меня проучить... Или же это не так? Вдруг я всё же нашла точку преткновения?

– Что такое, Каля? Не терпится член в руках подержать? – спрашивает он шёпотом, пока я настойчиво елозя пальцами по его бедру. Господи, сама не верю, что творю... Это я вообще?! Может мне что-то подсыпали? Хочется верить, что нога Мирона не такая ужасная, как он сам... Но мне кажется, он весь без исключения гнилой и подлый...

– Даже если и так, то что? – спрашиваю я с наглым выражением лица. – Не дашь мне подержать свой член?

Господи, не верю, что говорю это. Я что действительно собираюсь... Трогать его вот так беспринципно? Рядом с сопящим братом?! А?!

Вдруг совершенно точно понимаю, что он специально бросает мне вызов. Не успеваю я сказать это, как он кладёт мою руку поверх своих джинсов в то самое место. А там... Огромный стояк, от которого у меня пересыхает горло. Я вообще такого исхода не ожидала. Это жёсть какая-то...

Я впервые касаюсь чьего-то члена, пусть даже через джинсы. Да не чьего-то, блин! А Мирона Духова!

— Ну чего застыла? Держи, — шепчет он, рассматривая меня в темноте. Лишь свет, исходящий от плазмы освещает моё покрасневшее лицо. Хорошо, что родители уехали к друзьям, а Влад спит, как убитый, иначе я бы со стыда сгорела.

— Как? Так? — тихо спрашиваю, двигая по этому вздыбившемуся бугру ладонью, и понимаю, что что-то с ним делаю. Что-то приятное. Мирон тяжело дышит, а я чувствую, как в моём животе завязывается тугой узел. Больно. Тянет. А между ног становится горячо. Что это такое...? Почему я это ощущаю?! Только не говорите, что я возбуждаюсь от прикосновений к Мирону. Я умру!

— Каляяая, прекратиии, — стонет он, закрывая глаза, но мне не хочется останавливаться. Почему-то мне нравится гладить его член через джинсы, прости меня, Господи. Он такой твёрдый... И кажется таким большим под тканью. Нравится его реакция, а ещё нравится чувство в районе своего живота. Неконтролируемое, совершенно животное чувство. Будто я сейчас просто взорвусь, рассыпавшись на мириады маленьких частичек. — Каляяая... Бляяя...

— Останови меня, — говорю настойчиво, и он психованно сдергивает с подлокотника плед, укрывая им наши ноги, заставив меня испугаться. Я чего угодно ожидала, блин... Но только не такого варианта развития событий.

Сердце продолжает долбить о рёбра. Я не знаю, как себя

вести. Но уговариваю себя, что сама всё это дерьмо начала... Играть с ним в эти «кошки – мышки», заведомо понимая, что у меня проигрышная позиция. Во-первых, я девочка, во-вторых, я девственница, в-третьих, он извращенец...

Его рука нагло лезет под мою тунику. Скользит по бедрам шероховатыми подушечками пальцев, и тут мне становится не до смеха.

– Замри, – приказывает он, глядя на то, как Влад ворочается и снова погружается в сон. В этот момент у меня реально кровь гоняет, как на аттракционах.

Это сумасшествие. Почему это так возбуждает меня? Что нас могут поймать, могут застукать? Ненормальная.

Шершавая ладонь следует дальше. Каждое его касание до моей кожи вызывает у меня дрожь. Руки такие тёплые и наглые, что я неизбежножимаю ноги от страха. Меня ещё не касался парень. Никогда.

– Раздвинь, – дробит он грубее, опустившись к моему уху. Хриплый голос щекочет нервы. Но командует так, что я не могу ни оттолкнуть, ни воспротивиться. – Ты сама начала. Раздвинь.

Не знаю, зачем слушаюсь. Меня трясет так, что я с трудом понимаю, что происходит. Пропускаю его, позволяя трогать моё тело.

– Блядь... – ругается он, касаясь меня между ног, и я тут же жмурю глаза, забывая, как дышать. Там так горячо и мокро. Пальцы такие настойчивые, и делают такое, что мне хо-

чется кричать. Я сжимаю его член сильнее. Мне кажется, что с каждым новым касанием он становится больше. А Мирон тем временем ещё ближе... В один момент кажется, что под кожей. – Как ты намокла, – шепчет он мне на ухо, и я смотрю на его пересохшие губы. Полуоткрытый рот, что напевает мне мерзости завлекает меня сильнее. Садовская, что ты творишь?! Что-то не так, я ощущаю это своим телом. Между ног всё плывёт, его пальцы ласкают меня через ткань трусиков, и всё такое мокрое, что мне страшно представить, как мы с ним выйдем отсюда после этого. Как будем смотреть в глаза друг другу?!

– Помнишь, ты говорил, что мне нельзя никуда ехать вечером, – кое-как произношу, изредка прикрывая глаза, проводя ладонью по всей его длине, которая пугает меня. Я просто намекаю на то, что он сам называл меня маленькой, а теперь без зазрения совести трогает меня в самых неприличных местах, когда его лучший друг спит в трёх метрах от нас.

– Помню только, как ты говорила про совершеннолетие и дееспособность, – ему тоже хорошо, я это вижу. – А ещё помню резиновый член в твоей галерее.

Конечно, он не упустит возможность напомнить об этом. Урод.

– Как удобно, – буркаю себе под нос, пока он улыбается, закатывая глаза от удовольствия.

– Мне долго повторять не надо, я тебя слышал, – говорит он, и я ощущаю, что моё нижнее бельё уже вовсе не на ме-

сте, а где-то сбоку, пока он трогает меня полностью голую. Проводит прямо там своими пальцами... Так нежно и грубо одновременно. Делает особый акцент на ту самую точку, что пульсирует и просит, чтобы на неё срочно нажали. – Каля, сильнее.

– Я же не в твоём вкусе, – шепчу я дрожащим шепотом, чувствуя, что меня сейчас разорвет на части. Это так приятно, что невозможно полноценно думать. Подбирать слова, словно в голове всё перепуталось.

– А я придурок и кретин, которого ты ненавидишь, но сидишь и трогаешь мой член, Каля, видишь, как это работает, – он двигает пальцами сильнее, отчего мои брови сводит домиком. Я ощущаю, что впиваюсь свободной рукой в диван и не могу его отпустить. А он словно понимает по мне, что я уже почти готова... – Давай кончи, малышка. Кончи для меня, сладкая. – Господи, я хочу его ударить. Я ненавижу его. Прямо сейчас. В эту секунду. Я так его.....

– Твою мать, – он ощущает что-то, и я это чувствую, сжимая его, пока и из меня, из него течёт. Я просто растекаюсь на этом диване, закрыв глаза, пока в моей голове происходят какие-то сумасшедшие вспышки. Живот окутывает приятным теплом. Как же это хорошо... Так дьявольски хорошо, что я одурманенная всем происходящим уже и про план свой дурацкий забыла... Молодец, Камилла... Я смотрю на него и понимаю, что краснею от этого всего. Мы оба мокрые. Мы оба сделали какую-то жуткую вещь, от которой мне не

по себе. Мирон молча залезает под плед руками и стаскивает с себя джинсы, бросив их на спинку стула.

– Если что, я облился. Вылезай из-под пледа, живо, – грубо говорит он, заставив меня обомлеть и замолчать, думая о первом оргазме, который я только что получила. И с кем? Господи, какой кошмар. Всё должно было быть не так.

У меня внутри что-то происходит. Похоже на Апокалипсис реально. Ужас какой-то...

А он тем временем резко смотрит на меня, поймав мои глаза своими и удерживая на прицеле.

– Посмотри на меня, – опять молвит в приказном тоне. – Чтоб ты знала, Каля. Ты первая начала. – он касается моей нижней губы подушечкой большого пальца и заостряет свой маньячный взгляд на моём испуганном лице, а затем нагло проталкивает его в мой рот, и я отчего-то молчу, как идиотка, не шевелясь, позволяя ему делать это со мной. – Никому ничего не говори. Даже Машке своей. Поняла меня?

Его глаза горят. А мои, наверное, как два испуганных блюдца. Я вообще не понимаю, что творю. Он – озабоченный на всю голову. Он – конченный психопат. И втянул меня в это. Или это сделала я сама... Господи.

– Да, – киваю, чувствуя привкус соли и сладости в моём рту. Это вкус его пальцев... Сердце стучит и бьётся в истерике по грудной клетке. Я проглатываю застрявший в горле ком. Он вновь наклоняется к моему уху.

– Я трахну тебя, если ты захочешь, но даже не надейся на

что-то большее, Каля, – он говорит это, и я в очередной раз понимаю, что всё это – его грязная игра. Я поддалась ей, и уже на его стороне поля, а что делать не знаю... Потому что мне снова кажется, что я уже проиграла ему...

Разве мой план заключался вот в этом?!

Глава 7.

Мирон Духов

Когда пошли смотреть этот долбанутый фильм, меня уже всего затрясло. От того, что я знал, что придётся смотреть на неё. Смотреть, но не трогать.

Смотреть и снова ловить от неё эти лучи ненависти, которые она так обожает мне посылать. Заранее знал, что дерьмовая была идея. Но как только позвала, я только и ждал, что Влад согласится. Буквально посылал ему по ментальной связи вибрационные сигналы...

«Хочу, надо, соглашайся».

Он и ответил «да». А я моментально подскочил, желая побыть рядом хотя бы какое-то время.

Когда она мыла окно так виляла своей сладкой жопой, что я там буквально всё рассмотрел. Каждую родинку, каждый еле заметный волосок, все складочки и мелкие царапинки на коже... Вообще всё. Детально. Я, блядь, как Шерлок был. Потому что хотелось видеть и знать всю. Наизусть. А она мне столько ракурсов дала... Ранее никогда не давала... Никогда, сука! Вот столько...

Пупок, спортивный втянутый животик, ложбинка на сочных сиськах, которые уже давно перестали быть жалкими прыщами на её теле... Да даже бёдра... Отвал всего... Можно тупо ронять слюни, но друг бы моментально спалил. А

она нарочно провоцировала.

Да и сейчас нацепила на себя какое-то недоплатье, больше похожее на блядскую майку. Сидела и периодически пялилась на меня каким-то странным взглядом. Станным... Непривычным... Закусывала губу, словно от нетерпения, и тут у меня будто в мозгу щёлкнуло...

Кажется, я понял, что со мной хотели сделать.

Хотела поиграть? Хотела, конечно. Это очевидно. Думала я так легко подсяду...?

Мирон, блядь...

Придунок, да ты уже подсел. Едва ли её увидел тогда...

А сейчас всё ещё сложнее. Она взрослая. Красивая. Охуенная.

А ты – лучший друг её брата, блин. И ты не имеешь права так на неё смотреть. Не имеешь никакого долбанного права. Чёрт!

Ещё и Влад заснул прямо за фильмом. Прекрасно. Хоть ледяной водой его окати. И как мне быть стерпеть? Как бы ни уважал и ни любил его, это просто жестокость какая-то...

Я заранее понимал, что если вдруг она начнёт что-то говорить, если начнёт открывать свой рот, я могу и не выдержать. Могу наплевать на все свои сраные запреты, потому что уже не сдерживаюсь в её присутствии. Уже выдаю какие-то дурацкие азбуки морзе для неё. У меня всё тело по ней вибрирует.

Охуел сначала от того, что она подсела рядом со мной...

Да, вроде чтобы сделать звук потише, но... Такие взгляды и такие телодвижения не совершают просто так. И я всё понял в момент...

Потом началась полная вакханалия...

То, чего я боялся больше всего, блядь, в этой жизни.

Её ладонь проскользила на моё колено. Сердце застучало как бешенное в преддверии мучительного пиздеца. Никогда не терялся с девчонками. Никогда. А их у меня было так много, что на пальцах ног и рук не пересчитать. Смотрел на это безумие, будто со стороны, как душа вышла из тела, и с ума сходил.

Какого чёрта, Камилла?! Она реально не видит, как на меня действует?! Влад убьёт меня... Он точно убьёт... Я бы убил... Да я бы расчленил, походу, сука!

Она касалась меня, а мой рот говорил совсем не то, что должен. Руки делали совсем не то. Я вообще не думал о последствиях. Не думал о том, что следовало бы её отшить, что мы... Сделаем такое...

Блядь. Блядь... Бляяаядь.

Дыши, Мирон, просто дыши.

Какой она была мокрой. Мокрой по мне. Для меня. От моего шёпота... От моих пальцев.

Интересно, как далеко они зашли с этим Андреем, что она делала это со мной сейчас? Пиздец меня трясёт от этих мыслей. До сих пор трясёт. Я же вернусь и найду его. Добью его. Я его с землёй просто сравняю, раз уж на то пошло.

Её покрасневшее лицо было заметно даже в приглушенном свете. Она возбудилась до предела, а я уже вообще давно готов был откинуться. И я был прав. Она меня хочет. И всегда хотела. Хотела, но пряталась за маской ненависти, которую на себя нацепила. Моя глупая сладкая девочка.

Я умею делать приятно.

Наверное, мне не терпелось продемонстрировать, и она уже в первую минуту была готова кончить. Кончить для меня... Только для меня. А кончает она просто охуенно. Вся выгнулась, тело пронзило острой судорогой. И я впервые за все три года опыта просто кончил в собственные джинсы от того, что именно она меня трогала. И именно она сейчас испачкала мои пальцы. Текла для меня. Скулила. Ёрзала...

А потом взглянула так, будто мы сделали что-то противоестественное. Но так и есть. В наших отношениях это противоестественно. Да это просто днище какое-то!

Мы дышим громко, часто, надрывно. С ума сходим оба. А я всё ещё хочу видеть её стеснение и конечно же осознание... Что она сделала и с кем. Высматриваю его в её глазах.

Туман в них рассеивается, и она смотрит на меня уже совсем иначе, как я и предполагал. С разочарованием, испугом... С сожалением. Ну а как она хотела? Иногда нужно думать головой, а не пиздой... Иногда это охуеть как помогает в сложных ситуациях... Я вот тоже чуть-чуть не той башкой сейчас думал. Но один страдать и отвечать не собираюсь. Сама хотела – сама получила. Сполна.

Так что...

Игра началась, Каля...

Ты же, блядь, этого хотела, да?

– Я трахну тебя, если ты захочешь, но даже не надейся на что-то большее, Каля...

Вот чё мне ещё ей было говорить, как не это? Я вообще, блядь, не ожидал, что это всё-таки случится. Тупо не справился с возбуждением, и уже ненавижу себя за это.

Неожиданно она отворачивается, выползает из-под уголка пледа и, опустив свою грёбанную майку вниз, исчезает с горизонта, словно её и не было, оставив меня одного рядом с сопящим Владом...

Просто охуительный вечер...

Глава 8.

Камилла Садовская

Я молча встаю и ухожу оттуда в свою комнату. Да и он не говорит мне больше ни слова. Я только знаю, что он смотрит мне вслед, потому что всё тело жжёт, но я до сих пор не понимаю этого взгляда. Не могу даже осознать, что чувствую.

Прихожу к себе, плюхаюсь на свою кровать и понимаю, что он только что трахнул меня своими пальцами, а я только что трогала его член. Это не просто отвратительно, это, в прямом смысле слова, УЖАСНО!

И он прав, я не стану говорить это Маше. Это слишком личное и очень неправильное. Постыдное, блин! Я облажалась. Не нужно было этого допускать. До сих пор не понимаю, как осмелилась к нему прикоснуться. Парень моих кошмаров, наделённый таким характером, что меня всегда от него трясло. Это атомная война, а не человек!

Я переодеваюсь, чтобы не чувствовать это на себе – его касания, запах, и ложусь спать, даже не заходя в сеть. Не знаю, на что я надеялась. Чего ждала? Так бывает, когда не думаешь головой, прежде чем делать что-то...

Я максимально налажала. Да ещё и саму себя унизила, блин... Вдобавок ко всему...

На следующий день я делаю уроки, закрывшись в своей комнате, и даже не выхожу на завтрак. Это смущает маму,

и она приходит ко мне, нахмуренная и слегка грустная от моего поведения.

– Если ещё и ты перестанешь со мной делиться, я умру от тоски и одиночества, – говорит она, вызвав у меня улыбку. – Ты не рассказала... Как там твой Андрей?

Проклятье... Как же это больно. И как назло, а... Именно сейчас!

А ведь надо что-то отвечать... И лучше так, чтобы сразу всё обозначить.

– Андрей в прошлом, мам... У него появилась девушка, и это не я, – сообщаю ей, чтобы она больше не спрашивала. Да, я вру. Но она тут же прикрывает рот ладонью в недоумении.

– Вот ведь козееееел! – возмущается она, отчего я начинаю хохотать. Обожаю маму и её реакции. – Нет, ну, что ты смеёшься?! Я серьёзно! Надо попросить Влада и Мирона прочить его!

Вот только этого мне не хватало. Спасибо...

– Мама! Что ты такое говоришь?! – ахаю в оцепенении. Смешно, конечно, но мне что-то не очень. Особенно после того, что эти двое устроили.

– Нет, ну, а что?! Пригласил мою дочь на вечеринку, а сам с девушкой?! Это ещё что за выходки?! – спрашивает мама, на что я смотрю в пол и качаю головой. Так-то она права, если не знать главного...

– Нет, мам... На самом деле... Я не хочу говорить об этом, – твержу расстроено и стесняюсь поднимать взгляд. Я после

вчерашнего вообще не знаю, как в глаза кому-то смотреть. У меня тремор конечностей, блин.

– Ты вчера так быстро уснула, а сегодня вообще не вышла, я волнуюсь... Да даже Мирон тебя потерял, – говорит она, отчего я морщусь. Сердце в груди начинает опять подавать странные сигналы, будь оно не ладно! Всего лишь какое-то дурацкое имя! А у меня уже какая-то паранойя...

– С какой это стати?! – спрашиваю, вся покрывшись мурашками.

– Просто... Спрашивал про тебя. Почему-то выглядел взволнованно, – пожимает она плечами, и я вздыхаю. Как же мне всё надоело. Особенно имя «Мирон» в нашем доме.

– Мам... К чёрту всё... И к чёрту Мирона, – ругаюсь, на что она лишь гладит меня по растрепавшимся волосам.

– Дурында... Я принесу завтрак сюда, – говорит она, уходя, а я просто киваю, безмолвно соглашаясь. В конце концов, для меня будет лучше переждать какое-то время здесь. Спрятаться ото всех, чтобы не дай Бог его рожа не попалась мне на горизонте.

Сукин сын...

«Я могу тебя трахнуть... Могу трахнуть... Если захочешь. Но больше не рассчитывай!»

Урод!

До самого вечера не желаю выходить и рано ложусь спать, его не вижу, не слышу... Собственно, как и брата. Кажется, их тупо нет дома... Наконец-то! Так-то я всё же добилась,

чего хотела... Хотя кого я обманываю, блин, Камилла! Та-кими жертвами! Фу!

В понедельник утром быстро собираюсь, пока никого нет и убегаю, а в коридоре универа встречаю Андрея. Мы с Ма-шей держимся за руку, а потом я отпускаю её и подхожу к нему, на что он замирает, остановившись возле меня.

Честно, я даже не знаю, что говорить. Но даже убийцам дают последнее слово... Так вот.

– Андрей... Я... – теряюсь. Не знаю, что именно сказать. Он нравится мне уже столько времени, что я, словно поте-ряла свою мечту. У меня больше ничего не осталось... Её наглым образом отобрали...

– Что? Не говорила брату, что я делал какую-то хрень в твой адрес? – спрашивает он язвительно. Я ощущаю, как он злится на меня и словно ненавидит. Это самое болезненное, что может быть. Особенно смотреть на его побитое лицо и понимать, что это сотворил Влад.

И мне хочется ответить: «Конечно, нет... Эту хрень делал и сказал другой».

– Нет, я этого не говорила, он сам что-то придумал, – смотрю на него блестящими глазами, но он качает головой. Он не верит мне, я вижу это. Наверное, и Ритка там уже под-лила масла в огонь.

– Камилла, ты мне реально нравилась, – его голос режет меня на части.

– Ты мне тоже. Ты тоже. Нравишься до сих пор, – призна-

юсь я, пока Маша наблюдает за всем стороны и хмурится.

– Что-то я не заметил, когда твой брат разбил мне пол лица ни за что... Извини, но это слишком, – твердит он, уходя прочь, и я остаюсь в коридоре с дырой в своём сердце, пока Машка тянет ко мне свои руки.

– Иди сюда, – она обнимает меня, и я чувствую, как ураган эмоций уничтожает меня изнутри. Не знаю, чем заслужила это. Ненавижу Мирона. Ненавижу всем своим сердцем, и даже не могу ничего рассказать Маше, потому что мне стыдно и больно от того, что я сделала, и как он себя после этого повёл...

Кое-как сижу на занятиях. Кое-как прихожу домой, не обращая внимания ни на кого вокруг себя. Тяжело думать и больно дышать. Я даже не хочу ни с кем разговаривать. Рано ложусь спать, переписываясь с Машей и объясняя, что после разговора с Андреем хочу умереть. Не знаю, как мне удастся в итоге уснуть, но мне снятся кошмары. Поэтому я просыпаюсь в два часа ночи в ознобе, буквально вздрагивая от поступившего сообщения на телефон. Свайпаю экран и...

«Открой дверь».

Я долго вслушиваюсь в своё дыхание. Сердце начинает стучать быстрее, но я всё же встаю с кровати и впускаю его, сама не зная зачем это делаю...

Вот ведь ненормальная...

Глава 9.

Камилла Садовская

Мирон быстро заходит и закрывает защёлку на двери, рассматривая меня в темноте. Взгляд такой, что у меня язык прилипает к нёбу. Ему явно что-то надо, я вижу это и по поведению, и по каким-то косвенным признакам. Быть может, даже чувствую. И мне противно смотреть на него после сказанного тогда... Но тем не менее, я его зачем-то впустила сюда... Он здесь... Прямо передо мной.

Это не сон, и я выбираю сама. Верно?

– Давно не виделись, – шепчет его хриплый будоражащий до глубины души голос, и я скреещаю на груди свои руки, решив уточнить для чего конкретно он припёрся. Что-то во все предыдущие дни у него такого желания не возникало... А тут на тебе «давно не виделись», блин.

– И? Чего тебе? – хмурюсь, желая обозначить, что он последний, кого я хочу видеть сейчас.

– Опять злая, – он хмурится и продвигается ко мне, вновь бесцеремонно втиснувшись в моё пространство, и мои ноги начинают подкашиваться, в очередной раз предавая свою хозяйку. Его нос снова возле моей шеи, и он отодвигает с моего плеча волосы, обжигая его своим горячим дыханием. Мне даже хочется скулить от этого, настолько моё тело на него реагирует. И снова этот запретный запах... От которого

я... Прости, Господи... Дрожу. Трясусь. Съёживаюсь и покрываюсь тысячами маленьких иголочек.

– Представляешь... – шепчет он, касаясь губами моей кожи. А я как замерла перед ним, так и стою... Да вдобавок прикрываю глаза от волнующих ощущений, которые заставляют меня дрожать и напиваться чем-то приятным... – Я проснулся посреди ночи с вот этим. – он обхватывает моё запястье и кладёт мою ладонь на свой стояк. – И мне безумно хочется с этим что-то сделать...

Неслыханная наглость. Какой же он гад... Неужели он такого мнения обо мне?

– Так и сделай, – резко отвечаю, чуть повысив голос, и пытаюсь его оттолкнуть. – Например, подрочи.

– Тссс... – подносит он палец к моим губам, а затем опускает его ниже и ниже. По подбородку, шее, ключице... – Каля... Не верю, что ты говоришь все эти слова взаправду... Уже поздно прыгивать... Я и ты... Сама знаешь...

Опускаясь до моей груди через ткань пижамы, обводит ореолу скользящими движениями. Невыносимо. Его пальцы задерживаются на моём соске, и я с ума схожу от каждого его движения. Он оттягивает и вдавливают его, словно металлический шарик...

– Смотри... – заставляет меня тоже опустить взгляд и посмотреть на это зрелище вместе с ним. Моя грудь выглядит так напряженно, даже под одеждой. Всё торчит, словно меня окатили ведром ледяной воды, а он продолжает наглаживать

её. – Реально не помню, когда они стали такими... охуенными. – добавляет эмоционально, заставляя меня снова прикрыть глаза от растекающегося в животе удовольствия. Что я делаю?! Боже, что я делаю?! Почему я такая падкая на это всё? С ним... Сама от себя такой подставы не ожидала, если честно.

– Ты хочешь приходить ко мне сбрасывать напряжение? Я что, для тебя? Какая-то урна, мусорка, блин? – спрашиваю обиженным тоном, вызвав на его лице изумление. Он как-то очень грубо хватает меня за щёки, притягивая к себе моё расстроенное лицо.

– Каля, ты расслабься, ладно? Несёшь какую-то хрень, как всегда... Я сюда не трахать тебя пришёл, а просто успокоить. Ты сама не своя, – отвечает он, прижав меня к себе. Какое благородство, Мирон... Так я тебе и поверила.

Разумеется, я понимаю, что он просто манипулирует.

Но запах его тела вообще странно влияет на меня. Эти руки на моей спине, скользящие вверх – вниз, от движений которых я вся покрываюсь мурашками. А ещё они ложатся прямиком на мою задницу и сжимают её. Сжимают сильно. Будто наслаждаясь каждым таким грубым действием в отношении меня. То, как он себя ведёт для меня настоящая дикость. Раньше он себе такого не позволял, а теперь как чеку сорвало. Буквально.

– Это тоже, чтобы успокоить? – спрашиваю я, глядя на его довольную ухмылку. Так бы ударила... – Извращенец.

– Да, – сообщает его самодовольный тон.

– Ты что, хочешь, чтобы я снова тебе подрочила? Потому что спать с тобой я точно не собираюсь, – вылетает из моего рта, и он смеётся. Мне кажется, я не сказала ничего смешного. Но ему всё время весело.

– Когда из твоего рта вылетают эти гадости... – он касается пальцами моих губ. – Я неизбежно мечтаю засунуть в него что-нибудь...

– Что?! Нет уж, – психованно отвечаю я на его грязные намёки, и Мирон молниеносно толкает меня на кровать, навалившись сверху. У меня сердце в груди сейчас просто выдохнется... Ощущение, что оно за секунду выдаёт весь свой имеющийся потенциал... Я вцепляюсь в его широкие плечи. Он такой твёрдый везде... Просто каменный...

Нависает надо мной, будто животное, и мы с ним оказываемся в такой позе, что я ощущаю его член между своих ног. Тот самый... Который я бесстыдно гладила несколько дней назад... Такой большой...

– Слушай, у нас же обоюдное удовольствие, да? – спрашивает он, наклонившись к моему уху. – Давай так... Если издашь стон, придётся тоже поработать. Договорились?

Он спрашивает это, и я нервно сглатываю слюну, пока он снимает с меня штаны. Обхватывая его руки своими, тут же пытаюсь остановить. Но разве это может сработать? Нет... Во-первых, он сильнее... А, во-вторых...

– Я закричу, – злобно шепчу я, пытаюсь оттолкнуть его

от себя, сильнее сжимаю его пальцы своими, но вижу эту дебильную ухмылку и теряюсь в ужасе, осознавая весь идиотизм ситуации. Я САМА ВСЁ ЭТО НАЧАЛА. САМА.

Не оттолкнула, не запретила, а сама залезла ему в штаны. Будто дразнила его и провоцировала... Так вот они – последствия моих действий в его адрес. Остаётся только принять...

– Нет, Каля, не закричишь. Я уже знаю тебя, как облупленную, ты же сама всего этого хочешь – хочешь меня, – следом отправляется и моё кружево, которое я стала носить только в последний год. До этого у меня всегда были эти трусики в горошек, которые он тоже, кстати, таскал. Наверное, это и послужило причиной смены гардероба. Мне было стыдно, что вроде как уже семнадцать лет, а я продолжаю таскать столь смешное бельё... Ну, вот... Накупила на свою голову. Не зря же он так его разглядывает... Теряет голову... А я? Я этого точно хочу? Прав ли он, когда говорит так?

– Тебе понравится. Я не сделаю больно, – убеждает он излишне нежно. Я могу ему верить вообще? Во всяком случае, тогда он ничего болезненного мне не сделал... Лишь наоборот... Но мало ли что у него там на уме... Господи, он же мне реально как брат. Он здесь столько времени провёл за всю мою жизнь, что я смотреть на него не могу.

Зато он смотрит, задирая вверх мою футболку. Смотрит на мою грудь. Смотрит так хищно, что мне страшно, а потом касается губами каждого соска по очереди, вынуждая меня приподнимать голову и дрожать в его руках. Язык скользит

по ним, и я даже не знаю, как держусь, из последних сил. А дальше идут предатели-рёбра. Он целует их, и я неизбежно издаю всхлипы, отчего на его лице тут же появляется та самая дерзкая и бесячая ухмылка.

– Ладно, так и быть, я дождусь полноценного стоны, – смеётся он, вырисовывая на моём животе какие-то слова своим языком. Слишком хорошо, чтобы быть правдой, я буквально схожу от этого с ума, извиваясь в его руках. И хочу убежать, потому что это всё слишком, но его руки так крепко меня держат. Намертво...

Что он собирается делать? Целовать меня там? Боже, он собирается...

– Что будет, если нас застукают? – спрашиваю, еле сдерживаясь. Влад ведь в соседней комнате... Господи... И родители... Так нельзя.

– Никто нас не застукает. Просто получи удовольствие, расслабь свои булки, ладно? – его язык скользит по моему лобку, совращая мой пока ещё неоскверненный подобными штуками мозг, а потом...

Святое дерьмо! Разве можно так говорить?!

О, Боже мой...

Глава 10.

Камилла Садовская

Я тут же вцепляюсь пальцами в покрывало и приподнимаю таз, когда он двигает там своим языком. Целует меня прямо между ног, придерживая за ягодицы, и я не могу молчать. Это происходит непроизвольно. Проклятье! Не проходит и десяти секунд, как я начинаю пошло стонать, вцепившись в его каштановые густые волосы, опасаясь, что нас услышат, и он тут же останавливается, стягивая с себя джинсы.

– Так и знал, Каля, – издевательски молвит он, оторвавшись от меня. – Тебе же надо, чтобы я продолжил, да?

– Не знаю..., – отвечаю, запыхавшись с лёгкой нервозностью. Мой живот плачет, я хочу его обратно. Но вот выпрашивать явно не желаю.

– Ты знаешь... Мы оба это знаем... Ты хочешь... И ты пиздец меня заводишь...

– М, – издаю что-то непонятное в ответ.

– Тебе придётся залезть на меня. Потому что ты ещё явно не готова к тому, чтобы я делал это сверху, – заявляет он так, словно собирается меня к чему-то готовить. Будто мы здесь проходим подготовку в космонавты. – Давай.

– То есть... лицом к твоему...? – спрашиваю я, покрываясь румянцем. Я ведь никогда ничего подобного не дела-

ла. Как вообще это будет смотреться? Чёрт возьми... Что со мной не так? Я давлюсь одной мыслью об этом, мне даже член в рот толкать для этого не надо...

– Лицом к моему члену, да, а ты что думала? – выдает он совершенно спокойно, отчего я растерянно моргаю. Чувствую себя рыбой, выброшенной на лёд.

– Ничего, – робко отвечаю, когда вижу его почти полностью раздетым. Его мышцы перекатываются перед моими глазами. Рельефы его тела, кожа словно сливочный песок на пляже Анталии, куда мы с семьёй летали прошлой зимой. Косые мышцы живота выглядят ещё красивее при свете полной луны, и он вдруг оказывается передо мной без трусов. И вот член Мирона Духова прямо перед моим лицом, о, Боже мой. Это реально слишком. Я сейчас умру... – Как это делать? – зачем-то спрашиваю, потому что понимаю, что у меня опыта как бы ноль. Ну вот что я могу ему выдать? Начать петь как в микрофон?

– Ты никогда минет не делала? – недоумевает он, заставив меня ещё сильнее стесняться. Какого он вообще обо мне мнения? Мне восемнадцать, я ещё девочка. Я только-только член вживую увидела. Он что совсем конченный?!

– Мирон, нет, представь себе. Я даже трогала его впервые. Позавчера у нас в гостиной, – выдаю со злостью, и он теряется, нахмурившись. На его лице столько изумления от услышанного. Мне кажется, он сейчас выплюнет свои кишки.

– Погоди... Но... Ты что... Ты девственница? – спраши-

вает он, вызвав у меня нервный смех. Неужели он думал иначе?

– Конечно, – отвечаю, и он прикрывает лицо ладонями. Разочарование года. Чувствую себя душой. Реально душой, которая ищет в его поведении хоть что-то хорошее. Но не находит там ничего кроме его сексуальности.

– Твою мать... Каля, я просто видел у тебя ту штуку, и твоя подружка сказала про парня, сначала я думал... Но потом ты же так отчаянно мне там дронила... Блин... – он выглядит всерьёз растерянным, каким-то взволнованным. А я вообще не знаю, зачем мы всё это начали. Да, он опытный, и мне было приятно с ним. Очень приятно. Но это всё, что нас объединяет. Один раз и теперь мне стыдно. В первую очередь перед самой собой.

– Это значит, ты передумал? – спрашиваю, опустив взгляд. Я больше не знаю, как общаться с ним. Нас связывает только влечение. И сейчас я хочу его так же, как тогда за просмотром фильма. Сейчас хочу узнать, что это такое – быть с кем-то настолько близким и в то же время – далёким. Ведь мы всегда друг друга на дух не переносили. А теперь я сижу в двадцати сантиметрах и думаю только о его руках на своём теле. Разве так бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.